

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ РЕМЕЗОВА

У ТЕМНОГО- У ТЕМНОГО ЛЕСА

16+

Дарья Снежная

У темного-темного леса

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Снежная Д.

У темного-темного леса / Д. Снежная — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

У темного-темного леса, на самой его окраине, есть белая-белая школа. В ней живут мудрые-мудрые маги. И учат они талантливых-талантливых учеников. Ну как талантливых... Кто-то более, кто-то менее, кто-то более-менее... Словом, учат чародеи магически одаренных мальчиков и девочек. Шелу вот тоже учат. А Кайдена не только учат, но и лечат! Вот только лес не просто темный-темный, а еще и страшный-страшный. И пошатнувшийся Договор выпустит эти страхи из темноты... В оформлении обложки использована иллюстрация художницы Ирины Толочко (tsir), нарисованная по заказу автора.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Панически визжала лошадь. Бедные животные лучше людей ощущали присутствие черной магии, а здесь, у стен Зубастого Замка, ее гнилостный подавляющий душок чуяли даже мы. Истеричное, надрывное ржание отвлекало, верткой змеей ввинчивалось под череп и мешало сосредоточиваться, выматывало. Среди беспорядочного гвалта штурма – воя огненных шаров, звона оружия и грохота бьющего в ворота тарана, именно полный ужаса крик обезумевшего от страха животного был слышен лучше всего.

Зубастый Замок должен был вот-вот пасть. Мы штурмовали его уже второй день, и это были демонски долгие два дня. Черные маги сопротивлялись отчаянно, вцепившись в эти стены магией и оружием. Отступить им было некуда. Им, творящим черные обряды, якшающимся с демонами и режущих людей на поганных жертвенниках, милости не ждать, и снисхождения не видеть. Из таких замков не берут добычи, не продают в рабство дворню и не отпускают за выкуп владетелей. Всех в этом замке ждала смерть в очищающем огне.

И оттого осажденные встали насмерть, щедро поя каждый дюйм отданных стен кровью, что нашей, что своей.

Да только и наши маги не зря ели свой хлеб. Именно поэтому я сейчас стоял укрытый хитрыми чарами и ждал. Ждал, пока на замковой стене появится высокая, одетая в ритуальные просторные одеяния фигура.

Мой лук был уперт рогом в землю, тетива – пуста, а тело расслабленно. Что там происходит вокруг, не моя забота. Мое дело сейчас – высокая темная фигура. Хозяин этих мест. Каждый раз, когда мы были уже близки к тому, чтобы взять главные ворота и, опрокинув сопротивление защитников, ворваться в замок, он появлялся на стене. Он появлялся – и штурм захлебывался, наши откатывались назад, зализывать раны и перегруппировываться.

А некромант, собрав богатую дань нашими жизнями, снова оставлял стены.

Если бы не его поганая магия, Зубастый Замок был бы взят сходу.

Поэтому сейчас я стоял, держа наготове лук, закрытый магами от глаз и волшебства, а передовой отряд герцога Равенского изо всех сил долбил вражеские ворота, выманивая на себя черную тварь.

Если бы еще не эта лошадь...

Он появился, когда я уже почти поверил, что в этот раз обойдется, что вот сейчас, еще немного – и мы победим. Появился – и поле боя на краткий миг замерло. И незримый маятник удачи качнулся, уходя на вражескую сторону. Я вскинул лук. Черный развел руки. Стрела мягко легла на тетиву. Пальцы щипком захватили витую жилу, и она, преодолевая сопротивление мореного дерева, потянула, выгибая, рога лука. Запястье коснулось нижней челюсти и остановилось. Я всей спиной ощутил замершую, напряженную силу, заточенную в теле лука. Маг на замковой галерее – темный контур на фоне ясного неба. Отличная мишень. Проклятая литания, неслышная отсюда, но осязаемая всей шкурой, полилась со стены – и стальное жало совместилось с черным сердцем. Отступник вскинул руки, готовясь спустить на наши головы проклятие – и я отпустил в полет оперенную смерть.

Стрела ушла вверх красиво, как в песне, со свистом рассекая воздух в полном безветрии. И вошла точно, куда метил. Колдун так и не успел завершить свое последнее заклятие, моя стрела успела раньше, оборвав оскверненную жизнь.

И это было последнее, что я видел перед тем, как мир взорвался багровой вспышкой и непереносимой болью, и я перестал быть.

Глава 1

В аудитории было тихо, только перья натужно скрипели, стараясь поспеть за усыпляюще монотонной речью. Уже которое занятие наставник Бельтрам посвящал внимательнейшему изучению труда одного из талантливейших лекарей прошедших веков. Талант лекаря, по моему глубокому убеждению, куда больше простирался в сторону стихосложения, нежели целительства. А вот наш учитель, превосходно владеющий историей данной науки, начисто был лишен дара чтеца, поэтому заритмованные строки навевали сон в два раза быстрее, чем обычная лекция.

*Если полынь в сундуке, то защитой служит от моли.
Опухоль под языком вместе с медом она исцеляет.
Также и черный синяк, что вокруг возникает обычно
Впадины глаза очистить сумеет лекарство такое.
Звон из ушей изгоняют полынью, но с бычьей желчью¹...*

Широких знаний человек был этот лекарь, право слово. В одном стихе охватить и моль, и синяки под глазами, и звон в ушах. А что, надо поэкспериментировать. Два последних симптома – распространенная вещь среди школярской братии. Только вот уточнить бы, бычьей желчь надо в каких пропорциях с полынью намешать? И стоит ли интересоваться мнением на этот счет наставницы Невены, преподающей нам травоведение?..

Я уже вознамерилась растревожить сонное царство животрепещущим вопросом (заодно хоть кисть передохнет!), как в дверь постучали, и, не дожидаясь разрешения, в аудиторию просунулась лысая голова секретаря Ильфина.

– Прошу прощения, наставник Бельтрам, но директор Паскветэн вызывает к себе Шелу Кассади.

Наградив меня печальным, с оттенком скорби, взглядом по поводу того, что мне теперь не удастся вживую приобщиться к мудрости лекаря прошлого века, учитель кивнул на дверь. Я простеньким заклинанием высушила чернила в конспекте, смела писчие принадлежности в сумку и выскочила из класса, гадая, зачем могла понадобиться директору посреди урока. Серьезных грехов за мной в последнее время, вроде бы, не водилось, заслуг тоже...

Пустынные в час занятий коридоры школы, две лестницы, приемная. Молчаливый секретарь, из которого не то, что объяснения, «здрассте» и «до свидания» иногда было сложно выдавить, сразу прошел за свой стол, а мне только взглядом на дверь указал.

– Директор Паскветэн? – осторожно сунулась я. – Вы меня звали?

– Да, Шела, – старый маг слегка улыбнулся. – Проходи, присаживайся.

Я последовала указанию и опустилась на один из двух стоящих перед массивным директорским столом стульев. Второй тоже не пустовал, но опознать отвернувшегося к окну соседа только по лохматой, неопределенного, светло-пепельного цвета шевелюре мне не удалось. Впрочем, если судить по сумке в его ногах, явно слишком большой для школьных принадлежностей, прислоненному к ней колчану и чехлу с грозного вида луком – вряд ли этот человек мне знаком.

– Кайдэн, – негромко кашлянул директор, привлекая его внимание.

¹ Цитата из труда Одо из Мена «О свойстве трав» (перевод с лат. Ю.Ф. Шульца)

Лохматая голова чуть повернулась, явив мне хмурый профиль – сдвинутые брови, идеально прямой нос и опущенные уголки губ, теряющиеся в не слишком аккуратной бороде, которая однозначно уже давно росла по своему усмотрению.

– Знакомьтесь. Шела, ученица шестого курса целительского факультета. Кайдэн, будет обучаться на факультете боевой магии.

Мужчина соблаговолил повернуть голову еще на четверть оборота, чтобы одарить меня беглым взглядом. Мелькнула и пропала, скрывшись за ресницами, блекло-серая радужка, после чего он снова отвернулся. Ну, вот и познакомились!

Я вопросительно посмотрела на директора Паскветэна. Тот ободряюще мне улыбнулся и сцепил в замок лежащие на столе пальцы. С невольным сожалением я отметила, что на тыльной стороне ладоней прибавилось темных старческих пятен, сквозь пергаментно токую кожу просвечивали извилистые вены. Руководитель школы был далеко не молод уже десять лет назад, а последнее время сдавал все сильнее. И хоть разум его был так ясен, что и некоторые юноши могли позавидовать, тело мага подводило. Время – стихия, не подчиняющаяся даже самым могущественным...

– Кайдэн – человек с очень непростой судьбой, – негромко, сдерживая рвущийся наружу кашель, проговорил директор, – которая оставила немало шрамов на его душе. При этом он является носителем редкого по своей силе магического дара, контролировать который полностью из-за сложившихся обстоятельств не может. Махнуть рукой и не дать этому дару развиться было бы совершенно безумным расточительством, поэтому я убедил Кайдэна все же начать обучение в нашей школе, но нам понадобится твоя помощь.

Я посмотрела на мужчину с куда большим интересом, теперь, скорее, профессиональным, а тот продолжал пялиться в одну точку перед собой, будто мы с директором о погоде за окном разговаривали, а не о его проблемах и душевных ранах.

– Я хочу, чтобы ты, во-первых, помогла ему здесь освоиться: все показала, объяснила порядки. А во-вторых, сделала все, что в твоих силах, чтобы примирить Кайдэна с его даром и... с самим собой.

При последних словах, мужчина издал какой-то нервный, хмыкающе-фыркающий звук, за что заработал укоризненный взгляд от директора и недоумевающий от меня. Руководитель школы был известен своей привычкой находить и «подбирать» по всему королевству талантливых самородков, которым не повезло по жизни, приводить их в школу и давать этим шанс на счастливое будущее. Да я сама была из таких вот «самородков», но впервые видела, чтобы этот жест не только не встречал благодарности, но еще и сопровождался таким... фырканием. Точно с головой не все в порядке. Будем работать!

– Возьмешь у Ильфина расписку для кладовщика на получение учебных принадлежностей и постельного белья. Он же скажет, где можно поселиться и выдаст расписание занятий первого курса. Вопросы?

Я помотала головой – нет вопросов!

– Хорошо, – кивнул директор и проникновенно добавил: – Я очень на тебя рассчитываю, Шела.

И я прониклась. Директор Паскветэн уже пару раз прибегал к моему дару для того, чтобы помочь своим найденышам, но так серьезно не просил еще никогда. Видать, и впрямь случай запущенный.

– Можете идти. От занятий ты до конца дня освобождаешься. Но завтра оба на уроках без опозданий.

С секретарем Ильфином разговаривала я. Ну как разговаривала... сказала, что нам нужно, а потом стояла и пять минут в гробовой тишине дожидалась, пока тот найдет и напишет мне все необходимое. Кайдэн в это время дожидался в коридоре. Стоило мне выйти, как он оттолкнулся от стены, поправив переброшенный через плечо чехол с луком и подхватил

сумку. Я посмотрела ему в глаза и очень четко поняла – случай не запущенный, он практически безнадежный.

Этот человек не просто был на грани глубочайшего отчаяния, он уже погрузился в него больше, чем по пояс и целенаправленно тонул, не особенно пытаясь барахтаться.

Жрецы в храмах скорбно твердили – нельзя спасти того, кто не хочет быть спасенным. Медицина возражала – можно. Достаточно пациента усыпить или обездвижить. В крайнем случае – стукнуть по голове. Глядишь, мозги на место встанут и жить захочется.

Я улыбнулась, помахала честно добытыми свитками и поинтересовалась:

– Ты голодный?

– Да нет, не особенно. – Совершенно невинный вопрос мужчине, кажется, озадачил, потому что ответил он на него не слишком уверенно. Зато смотри-ка ты, разговаривает!

– Просто до обеда еще далеко, но можно заглянуть на кухню. У тетюшки Беатрис – это наша кухарка – всегда припасено что-нибудь для непутевых, проспавших завтрак.

– Я запомню.

И все. Никаких вопросов, никакого продолжения беседы.

– Ладно, раз не голодный, пойдем покажу тебе, где будешь жить и учиться.

Я развернулась и зашагала по коридору. Кайден пристроился за моей спиной, а не нагнал, чтобы идти наравне. Беседовать в таком порядке было не слишком удобно, но меня это не особенно смущало.

– Тебе, кстати, повезло, ты нечетный вновь прибывший, будешь жить один пока. Мужчины живут в западном крыле. Уроки начинаются после третьего колокола. Первый звенит на подъем, второй на завтрак. Дальше звон означает смену занятий. До обеда их три, после – тоже три, иногда четыре, плюс практики и отработки. Учеба началась всего неделю назад, так что много ты не пропустил, нагонишь быстро...

Кажется, его вполне устраивал мой беззаботный треп и отсутствие необходимости отвечать на вопросы. Нет, так дело не пойдет. Я обернулась, стремительно замедлилась и поравнялась с ним. Мужчина перестроиться не успел, только чуть сбился с шага.

– А ты откуда родом?

– Из Йена.

– Ого! – присвистнула я. – Далековато тебя занесло. Это же самый север. То-то я смотрю, ты такой светленький, не как наши. А я местная – и родилась, и выросла в Вирше, это ближайший город, часах в трех ходьбы...

– Что же ты тогда такая рыжая? – мрачно поинтересовался Кайден.

– Какая есть! – Я гордо расправила плечи и вздернула веснушчатый нос (о, демон бы побрал этот веснушчатый нос!). – Завидовать нехорошо!

– Было бы чему. И без рыжей косы забот хватает.

Я представила эту хмурую бородатую физиономию с косой до пояса и невольно хихикнула. Кайден покосился на меня, кажется, не понимая причину веселья.

– Это для охоты? – Я сменила тему, кивнув на лук и колчан за его спиной. – Боюсь, в школе не пригодится. Разве что сусликов в поле пострелять. В Брейдене не дай бог тебе в живность целиться, обычного оленя от боуги² не отличишь, а подстрелишь фейри – живым не выйдешь.

– И не страшно вам? – Кайден резко замер у окна, вперив взгляд в темную громаду леса, полукругом обнимающего школьный замок.

Я тоже остановилась, невольно озадачившись. Страшно?..

Нет, конечно, Брейденский Лес – таинственный и жуткий Брейден, вотчина фейри и злых духов, место действия жутких легенд, родоначальник всей неукротимой природной магии –

² Одна из разновидностей фейри, известны своими способностями к оборотничеству

по-хорошему должен был пугать. Но когда живешь рядом с ним бок о бок всю свою жизнь, то как-то устаешь бояться. К тому же его обитатели существа хоть и опасные, но свои негласные правила чтут. А с некоторыми вполне можно и поладить, просто подход особый знать надо. Я, и пока в Вирше жила, в лес выбиралась за редкими травами, да по грибы, да по ягоды – фейри против этого не возражали. А уж после того, как переехала в школу, и подавно могла там целый день пропадать.

– Да нет, – я пожала плечами. – Мы привыкли. А тебе?

– Фейри меня не пугают. Темный лес тоже, – он отвернулся от окна и сделал шаг вперед, вынуждая меня продолжить путь.

– А что пугает? – нарочито простодушно поинтересовалась я.

В серых глазах мелькнул вялый вопрос.

– Ну, все чего-то бояться, – пояснила я. – Кто-то темноты, кто-то одиночества. Подружка у меня вот гусениц боится. А ты?

Кайден как-то неопределенно пожал плечами. Глупо было, конечно, вот так сразу на этот ответ рассчитывать, но попытка-то не пытка...

Я некоторое время помолчала. Не так-то просто вывести на разговор человека, который, очевидно, мечтает только о том, чтобы его оставили в покое, а то и просто разговорчивостью не отличается, кто его знает. Он был закован в непроницаемый панцирь отчуждения и равнодушия ко всему миру. А я ходила вокруг него, как лиса вокруг надежного курятника, не зная, с какой стороны подступиться и пробуя на зуб то одну доску, то другую, авось какая и окажется трухлявой.

– А чем ты раньше занимался? До того, как в школу приехал?

– Наемник.

Если краткость – сестра таланта, то этот человек явно метит в гении!

– О-о... – задумчиво протянула я. Да тут вам неограниченный простор для травм как душевных, так и телесных. А еще душевных, вызванных телесными, между прочим! – Лучник?

Кайден кивнул и неосознанно стиснул ремешок колчана, проходящий наискосок через грудь.

– Ну вот, мы пришли! – я выбежала чуть вперед и распахнула перед ним одну из дверей жилых комнат. Все они были однотипные – две кровати, шкаф, рукомойник в углу, на нем кувшин, под ним ведро для стекающей воды. Стол и пара стульев. – Располагайся. За бельем и прочими принадлежностями сейчас сходим к кладовщику. В конце коридора есть маленький фонтан, там можно воду набрать для питья и умывания.

Мужчина небрежно скинул сумку на пол и с куда большей, сразу видно – привычной – осторожностью стащил лук и колчан. Обернулся на меня, стоящую на пороге и наконец-то проявил хоть какой-то интерес:

– А помыться где можно?

– Баня у нас раз в неделю, – с энтузиазмом отозвалась я. – Женская в выходной утром, мужская – после обеда. Но во дворе есть большие кадки с дождевой водой и пара закутков для обливания. Если надо раньше – туда ходят. Зимой холодновато, конечно, но сейчас-то лето в разгаре... Показать? А по дороге как раз в кладовую забежим, там полотенце выдадут.

– Покажи, – кивнул Кайден и, нагнувшись, выудил из сумки чистую рубашку.

– ...Еще в лесу озеро Фей есть, очень красивое. И Забытая река. Всей толпой туда не сходишь, но по одному-два человека фейри не гоняют. Там в основном моргены живут и никсы, они довольно дружелюбные. Но вверх по течению лучше не подниматься, да и с ручейками и родниками осторожно обходиться, особенно мужчинам. У школы с лесом Договор, учеников ланнан-ши³ не убивают, но кровушки попьют. В прямом смысле. За нарушение границ.

³ И моргены, и никсы, и ланнан-ши – разновидности водных духов. Первые вполне мирные, вторые склонны к пакостям,

Про лес и его обитателей я могла соловьем заливаться часами. Если бы еще собеседнику это было интересно.

Хотя... кажется, и интересно. Вроде, слушает, а не просто с отсутствующим видом в пустоту пялится. Взгляд, правда, на гипотетическую угрозу со стороны кровожадных водниц сделался колючим, но все лучше, чем показное равнодушие.

Солнце к полудню еще только подбиралось неспешно, школьный хозяйственный двор был хоть и ярко освещен, но вода с ночи прогреться еще не успела. Кайдена это не смутило. Он сгрузил выданную кладовщиком ношу на скамью, набрал два полных ведра и скрылся за деревянной дощатой дверцей. Сверху только голова да плечи чуть-чуть торчат.

Свесилась с бортика сброшенная одежда, влетело вверх ведро, раздался громкий плеск. Мгновенно потемневшие волосы плотно облепили голову и шею. Кайден встряхнулся и принялся намыливать, не обращая на меня внимания. А чего обращать? Я вот тут сижу в тенечке, прячу нос от солнышка, никого не трогаю, думаю думаю...

Что же за тайна у него такая страшная, что за беда? Директор мне бы и сказал, наверное, да он знает прекрасно, что в таком тонком деле знание иногда враг. Куда лучше, если я к этому знанию сама ключ подберу, заставлю открыться, довериться – тогда и дело пойдет. Вот только подсказывало мне чутье, что будет это ох как непросто.

Я вынырнула из размышлений, только когда скрипнула дверца, и Кайден вышел. В одних штанах – чистая рубашка возле меня, в куче всех вещей, осталась. Надевать ее он, правда не спешил. Вместо этого зачерпнул еще ведро, утвердил его на каменном бортике колодца, стоящего тут же, вытащил из-за голенища нож... и принялся бриться, глядя в темное, волнующееся отражение.

Подперев голову кулаком, я за ним наблюдала, пока мужчина не оторвался от бадьи и не прожег меня недовольным взглядом.

– Ты так и будешь на меня все время глазеть?

– Я не глазею, я сопровождаю, – с достоинством отозвалась я, продолжая беззастенчиво пялиться на широкие плечи, руки, перевитые рельефными мышцами (да, таким не только наши щуплые алхимики, просиживающие штаны в подземельях, но и многие боевики позавидуют!) и линию позвоночника вдоль спины.

И шрамы имеются, куда без них воину. Едва заметный поперек бока – видать, клинок по ребрам скользнул и прочертил. Повезло. «Звездочка» на правом плече – стрела насквозь прошла. С этим он куда дольше, поди, провалялся, да и снова стрелять смог далеко не сразу. А мелких «царапин», уже давно и прочно спрятанных под загаром, поди, и не счесть.

С бритьем было покончено. Кайден выпрямился, придирчиво осмотрел себя в водную гладь, а потом стиснул в кулак распластавшиеся по шее мокрые волосы и ка-ак отчекрыжил одним резким движением большую часть! Оставшееся рассыпалось косыми, неаккуратными прядями. Сжатые пальцы полыхнули огнем, лучник стряхнул пепел с руки и, кажется, вознамерился столь же кардинальным образом «подравнять» оставшиеся лохмы. Правда, когда он снова занес руку, моя душа не выдержала.

– Ты что делаешь?! – страдальчески простонала она.

Кайден обернулся и посмотрел на меня, как на дурочку. А я мельком успела отметить, что зря накинула ему лишний пяток, а то и больше годков. Без пыльной лохматой бороды он выглядел немногим старше меня.

– Стригусь.

Боги, да овец и то с большей аккуратностью стригут!

– Никуда не уходи и ничего не делай, ради всех богов! – взмолилась я. – Сейчас вернусь!

И, не дожидаясь ответа, я подобрала юбку и бегом кинулась в свою комнату.

Когда я вернулась оттуда, запыхавшаяся, зато с ножницами и гребнем, Кайден так и стоял, склонившись над колодцем, будто воспринял мой приказ буквально и даже не шевелился на всякий случай.

Я усадила его на скамью к себе спиной и взъерошила пальцами подсохшие неровные пряди, раздумывая, с чего начать.

И вовсе они не пепельные, как мне показалось сначала. Просто светлые, теплого льняного оттенка. Густые какие. И гладкие. Как у меня от влажности пушиться не будут. Провела гребнем, полюбовалась на мягкую игру солнечных бликов, снова взлохматила...

Что чересчур увлеклась, я осознала не сразу, да Кайден и сам подозрительно притих – не вырывался, не одергивал. Жалко, мне лица его не было видно, то ли просто терпит, считая, что я там делом занимаюсь, то ли понравилось. Между прочим, массаж головы очень хорошо напряжение снимает, а если бы к нему еще и шею, и плечи добавить, то...

Я покосилась вниз, неосознанно прикидывая фронт работ, вздохнула – не поймет! – и принялась за стрижку.

– Ну вот! Хотя на человека стал похож. – Я оглядела результат работы и осталась им крайне довольна. Из мрачного, как демон, лохматого почти деда Кайден превратился в по-прежнему мрачного, как демон, но зато побритого и подстриженного молодого человека.

Лучник запустил пальцы в волосы, провел по ним, примеряясь к новой длине, а потом молча стряхнул остатки обрезков с плеч и потянулся за рубашкой.

– Ты знаешь, почему директор Паскветэн попросил именно меня тебя сопровождать? – я все-таки не выдержала и задала один вопрос в лоб, отчаявшись подобрать хоть на волосок окольными путями.

– Да. – Кайден на меня даже не взглянул. – Редкий дар. Целительница душ, так он сказал. Считает, что ты можешь мне помочь.

– Ты так не думаешь?

Лучник подхватил со скамьи выданное кладовщиком добро.

– Я не думаю, что мне вообще кто-либо может помочь.

– Тогда зачем?.. – Я осеклась не в силах выбрать один из вариантов – зачем соглашаться на мое участие или на учебу, которая совершенно очевидно не особенно его манит? Зачем приезжать в школу?

Он бросил на меня короткий взгляд, который, отражая ясное небо и солнце, сверкнул вдруг пронзительной голубизной.

– У меня есть свои причины. В любом случае, какое тебе до них дело? Я обещал, что буду во всем тебя слушать. И буду. Делай, что считаешь нужным.

Я раздосадовано прикусила губу. Такая постановка вопроса меня категорически не устраивала. Нет, «я буду во всем тебя слушать» – это, конечно, обнадеживает! Но это не то, что мне нужно.

– Ладно. – Я сдалась. – Ты, наверное, устал с дороги. Отдохни до обеда – он через два колокола. Я за тобой зайду и покажу, где столовая.

Кайден скупо кивнул и зашагал прочь.

На занятие по истории возвращаться уже смысла не было, зато я попала на травоведение наставницы Невены, вещавшей нам сегодня о крайне полезных свойствах мха, являющегося прекрасным средством борьбы с различными видами кашля. И поскольку вторая часть занятия была отведена под практику – приготовление поочередно чая и двух видов отвара – я уже предвкушала, как одноклассники будут коршунами бросаться на тех несчастных, кто посмеет кашлянуть в их присутствии.

Кайден открыл мне дверь после первого же стука. То ли так и не поспал, то ли проснулся от колокола. А до столовой мы дошли в гробовом молчании, которое по мере приближения к храму пищи, отнюдь не означало тишину.

– Особых правил, как садиться нет, – пояснила я, пока мы спускались по лестнице к уже толпящимся под закрытыми дверями ученикам. – Но все в основном кучкуются по факультетам. Если хочешь, познакомлю тебя с боевиками. А нет – пообедаем вместе. Кстати, вон твои стоят, в куртках. У них, наверное, совместные практические с демонологами были. Одни призывали, другие выдворяли... – я подумала, и добавила: – Наставники плакали.

Шутка с долей горькой правды оценена не была. Я оглянулась – Кайден смотрел на толпу учеников тяжелым взглядом, и энтузиазма от грядущей встречи с одноклассниками явно не испытывал. А с другого конца коридора мне махала Нольвенн с братцем. Мы всегда ели вместе, но теперь я засомневалась, стоит ли навязывать лучнику новые знакомства. Лучше дать ему немного времени освоиться.

– Подожди минутку, я сейчас вернусь, – протараторила я и поспешила к подруге, чтобы все ей объяснить.

Но не успела я проделать и полпути, как воздух вдруг взрезал вопль боли. Я обернулась – и со всех ног кинулась обратно, разглядев чудную картину: Андер, один из демонологов, согнулся в три погибели и был, а мой стукнутый на всю голову (теперь-то диагноз я могла поставить точно!) подопечный пальцами ему в шею впился, будто вот-вот позвонки свернет!

Я сама не заметила, как оказалась рядом. К счастью, разнимать драку не пришлось – Кайден уже отпустил своего противника, точнее, отпихнул его к приятелям. А вот теперь самое время вмешаться, а то, кажется, стороны горят желанием продолжить ссору!

Одним слитным движением я шагнула к Кайдену и положила ладонь ему на запястье. Спокойствие. Я спокойна. Пальцы сжали мужскую руку не сильно, не слабо, а так, чтобы он полностью ощутил мое прикосновение. Тепло кожи и мое присутствие. Не более. Не менее. Я на него не взглянула даже, не сказала ничего, но это было и не нужно. Одного движения достаточно было, чтобы присутствующие поняли – он со мной, а Кайден вспомнил, что он, вообще-то обещал слушаться. А я смотрела сейчас только на демонологов.

– Ребят, а что тут происходит? – доверчивого удивления, благожелательности и готовности всех и вся сейчас же вылечить в моем голосе было примерно поровну. Не знаю, что из этого подействовало, но враждебности в позах поубавилось, и напряжение, вроде, пошло на спад. Ну и хорошо, может, еще и миром разведу...

– Этот... – Ренану, второму демонологу, цензурных слов не хватило, и он прибавил пару нецензурных, – Андеру чуть шею не свернул!

– Да я видела, – простодушно отозвалась я. – А что случилось-то?

Они недоуменно переглянулись.

– Толкнул, – отозвался Андер, пытаясь на ощупь разобрать, сколько там у него позвонков в шейном отделе – семь, как положено, или кой-чьими стараниями теперь на один меньше?

Кажется, позвонков было все же семь. И слава Бригите⁴!

– Кто кого? – так же наивно допытывалась я.

Сама же в это время пыталась «прочувствовать» стоящего рядом пациента. Физический контакт облегчал дело – еще и поэтому я не отпускала руку Кайдена. Ну, и опасалась, что он снова кого-нибудь стукнет, не без того. Агрессия в нем пошла на спад, оставив после себя разочарование, раздражение, недовольство собой и слабое сожаление. Пошла на спад – но не исчезла, так и осела на самое дно восприятия тягучей лавой, раскаленной магмой. Кажется, это состояние, которое всегда при нем... Мысленно сделав себе пометку – «Выяснить, врожденное это или следствие травмы, важно!» – я вернулась к разговору.

⁴ Мать всех богов, богиня плодородия, огня и домашнего очага, ремесел и врачевания, творчества и науки

Выяснилось, что толкнул все-таки демонолог, а потом пошутил, а потом... «А потом» я видела, так что быстренько разговор свернула, рассыпавшись в извинениях-заверениях, и отпустив запястье подопечного, ухватила его за рукав, будничным и совершенно спокойным тоном, без следа той девочки-ромашки, что только что говорила с демонологами, сообщив ему:

– Обед с боевиками отменяется.

И, насмешливо взглянув на недовольного и даже слегка виноватого на вид спутника, добавила:

– Пойдем, о системе наказания нарушителей порядка расскажу.

Остаток дня прошел, к счастью, без приключений. Мы пообедали под мои разглагольствования о правилах и приличиях, после отправились на полную экскурсию по школе с указанием, где у Кайдена завтра какие занятия, а потом разошлись по комнатам. Лучник сказал, что не голоден, на ужин не пойдет и хочет лечь пораньше.

И вот я сидела, сосредоточенно втирала в волосы теплое льняное масло, и думала о новеньком. Приживется ли? У нас здесь все-таки место непростое. И школяры тоже не все обычные люди, даже для магов.

Взять, к примеру, мою подругу Нольвенн. Она из двойни. А наши суеверные селяне считают, что если женщина рождает близнецов – то второй ребенок подкидыш⁵. Ну, и заявили, что отец детишек – фейри. Лучше бы вспомнили, кто их мать, идиоты.

Мама Нольвенн – ведьма. Причем натуральная, деревенская, из тех, кто топнут, подмигнут, пальцы особым образом сложат – и готово. Не всякий образованный маг успеет проклятие снять. Словом, дважды отводила она от своего дома людей – а на третий вышла да спросила, чего мол вам, люди злобные, у моих ворот понадобилось? Они ей и предложили отдать сына по-доброму. Мол, дочь, старшая – та от человека, а сын, младший – Зло от Зла. Дали ей время до заката подумать. Ведьма тогда подумала, поняла, что миром уже не разойдутся, плюнула и вместе с детьми ушла. Никто так и не понял, как сумела незамеченной выскользнуть.

Она-то ушла, а плевков – остался. Так с тех пор в той деревне куры не несутся, молоко скисает, а опара падает. Люди мага позвали, чтобы проклятие снял – а он посмотрел и сказал, что сделать ничего нельзя. Что ведьма земле пожаловалась, земля ее сторону приняла, и ведьма была в своем праве. Так что, только ждать – лет через десять-пятнадцать само пройдет. Ну, или можно в этом месте выжечь все, чтобы земля умерла – но тогда она и вовсе родить не будет...

Нольвенн рассказывала, что те люди их мать потом искали, хотели просить вернуться и порчу снять – да только злопамятная она, их мамка. Так они ее и не отыскали. А как исполнилось близнецам по шестнадцать, так и выставила их мать за порог с котомками и наказом идти в школу магов, и пока не выучатся – не возвращаться. Ну, а когда выучатся – то и вовсе незачем. Вот такие они, деревенские ведьмы. Подружка моя уверяла, что они с братом от матери ведьмовства не унаследовали, и сила у них самая обычная, магическая. Вот только я пять лет с ней жила в одной комнате, и могла бы кое-что порассказать. Если бы, конечно, хотела.

Я снова провела ладонью по волосам, изучила горсть – там осталось всего два волоска. Волосы у меня хорошие. Длинные, но пушистые, легкие. Здоровые, ухоженные. И цветом, и густотой похвастаться можно. Я принялась массировать кожу на голове, втирая в нее и в корни целебное масло. Бадейка с теплой водой стояла тут же – смыть после.

Мысли от Нольвенн, которая, кстати, пока так и не вернулась в общую комнату, снова скакнули к новому моему подопечному. Станный он все-таки. Вроде бы, разговаривает. Шутит даже порой. А сквозь это лицо, как сквозь маску, видна бесконечная усталость. И лес... Я ведь не зря обеспокоилась, как он приживется в школе. Он на лес сегодня из окна смотрел...

⁵ Ребенок фейри, подброшенный людям под видом близнеца. Если такой ребенок вырастает среди людей, то является угрозой для общества.

Как на противника, на врага. Не подберу точное слово, но на тех, с кем собираются жить в мире и согласии, так не глядят. А у нас здесь ведь Нольвенн с братцем – совсем не самые странные, кого можно встретить. Среди наших учеников и потомки фейри есть. Не полукровные, но и этого хватает, чтобы среди людей их побаивались и не любили. А Кайдэн... По нему видно, что он из таких людей, которые, собравшись уходить за грань, совсем не откажутся прихватить с собой побольше тех, кого сочтут врагами.

Я прочесала пальцами пряди, завернула их в узел и повязала старый платок. Истрепанный, выцветший, не раз штопанный, он потому и не был еще выброшен. Растирая в каменной ступке листья петрушки, смешивая зеленую кашу со свежей простоквашей, намазывая смесью лицо, я все крутила мысли, как бы подобраться к подопечному поближе. Директор Паскветэн потребовал от него терпеть меня рядом – и он терпит. Даже, до некоторой степени, слушается. Но мне-то нужно не то. Мне нужно, чтобы ему хорошо рядом со мной было, спокойно. Прохладная маска легла на нос, скулы – везде, где отметились злокозненные веснушки. А я легла на кровать.

Надо будет его в лес вывести. Представить Брейдену. Это важно. Лес студентов школы и так узнает, и не тронет без веской причины, но представить будет все-же надежней. Подношение сделать. Показать, кого и как можно, в случае нужды, о помощи попросить. Провести в несколько хороших мест и посмотреть какое его примет. Тут надо подумать, куда вести, а куда пока не стоит. Это – обязательно. А дальше – как пойдет. Если хорошо сложится, то отведу его, пожалуй, к реке. Поляна с корягой у старой ивы – мое место, там мне думается хорошо, и многое лучше видится. Там мне больше удастся. Просто полежим, помолчим... А текущая вода на мирный лад настраивает, дурное настроение уносит.

Еще...

Негромкий скрип выдернул меня из мыслей. Нольвенн вернулась. Она проскользнула сквозь узкую щель, тихо прикрыла дверь – и только тут заметила, что я не сплю. Подружка перестала стараться двигаться бесшумно, рассмотрела меня и цокнула языком, восхищенно закатила глаза – красавица! Змея у меня подружка. Я не выдержала, заулыбалась. Спрашивать, где она была, не стала – и так знаю, что на гулянии.

– Ты чего не пришла? Мы тебя ждали, – Нольвенн присела на свою кровать, и начала снимать украшения. Браслет с левой руки отправился в шкатулку, следом за ним – кольца. Подруга склонила голову, принялась вынимать из ушей массивные серьги с подвесами.

Я встала и налила немного теплой воды в чашку.

– Некогда было. Возилась с директорским подарочком.

Нольвенн понимающе улыбнулась:

– И как?

– Все живы, – бодро возвестила я о своих успехах и принялась тщательно смывать подсохшую простоквашу с лица.

Магичка негромко рассмеялась и сочувственно посоветовала:

– Подпой его успокоительным, а то он это упущение быстренько исправит!

Я осуждающе взглянула на нее, уткнулась в полотенце и оттуда возмущенно фыркнула. Смешно ей! Нольвенн хихикнула:

– Не сердись, давай лучше, я тебе воды полью!

Размотав полотенце и прочесав пальцами волосы, я снова склонилась над тазом. Теплая вода полилась струйкой на макушку. Я зачерпнула из широкой плошки мыльной смеси, смазала волосы, вспенила как следует, и Нольвенн снова полила воду из кувшина.

– Ну и рожи сегодня были у наших, когда твой больной Андера скрутил!

Я против воли тоже улыбнулась – не дает ей покоя новенький! Но вот ведь, шальной – не побоялся один против всех ввязаться.

И справился же...

– И практически, одной рукой скрутил! – продолжила развивать полюбившуюся тему подруга.

– Ну, прям уж, одной... – Я старательно смывала масло. Теплая водичка приятно грела затылок.

– Не придирайся, – отмахнулась Нольвенн и мечтательно добавила: – Какие у него сильные руки...

– Так ведь лучник, – рассудительно отозвалась я, промокая вымытые до скрипа волосы полотенцем.

– И какие плечи! – Подруга с урчанием закатила глаза.

– Так ведь лучник!

– А какая спина – м-м-м!

– Нольвенн, сходи на свидание, – душевно посоветовала я, и посмеиваясь, увернулась от подушки, брошенной в меня возмущенной магичкой.

А сама против воли вспомнила, как сегодня днем рассматривала ту же самую спину и плечи... Ну, посмотреть и правда есть на что! И, отогнав неуместные мысли, принялась убирать последствия своих прихорашиваний – ступку с пестом тщательно вымыть, воду слить в ведерко, утром вынесу, таз ополоснуть и поставить на стул – соседке пригодится.

Нольвенн начала распускать шнуровку платья на груди, тихо улыбаясь, и я засмотрелась на нее.

Она ведь откровенно некрасива. Лицо резкое, хищное. Черные косы – густые, блестящие, красивые. Но в складке губ, в разрезе глаз, горбинке носа есть что-то жесткое. И черты, по отдельности вроде бы приятные, вместе не порождают гармонии. Фигура, хоть и хороша – да вот беда, прихрамывает подружка. У Нольвенн отталкивающая внешность – что есть, того не отнять. Но держит себя подруга так, что через час об этом уже не помнишь. И изъян видится изюминкой. Живость характера, сильный стержень, вера в себя и умение подать как достоинства, так и недостатки, перекрывали непривлекательное лицо.

Поклонников у нее было полно – мужчины вокруг вились. Соперничали между собой за ее внимание, и тем самым подхлестывали друг друга. Нольвенн, хорошо зная как свои сильные стороны, так и слабости, не обольщалась этим вниманием, и частенько, насмешливо кривя сочные губы, приговаривала, что много – не всегда хорошо. И гоняла их, не скрываясь. Язвила. Особо навязчивым и вовсе сурово перепадало, в гневе Нольвенн бывала страшна. И все равно, я частенько ловила провожающие ее взгляды. Завидовала, конечно, порой – меня-то так не добивались. И уж если я говорила «нет», пороги потом не обивали и не старались завоевать. А вот Нольвенн могла так взглянуть, что несчастный чуть не замертво падал. Но не уходил.

Завидовала я, правда, как-то не всерьез. Не надо мне этого. Не тот у меня характер, чтобы душевный покой на круговерть поклонников сменить. Их ведь еще осаживать надо, следить, чтобы не переубивались, сортировать – словом, содержать хозяйство в порядке. А я не Нольвенн, мне это в тягость. И представив себя на месте подруги, содрогалась.

Под фыркание купающейся соседки, я вернулась мыслями к Кайдену.

Обязательно надо распорядится на кухне директорским именем, чтобы ему в миску клали больше овощей. И зелени. И... Главное, чтобы тут он сам не взбрыкнул. А то заявит, что мужская еда – мясо, и уговаривай его потом...

А если серьезно, то все это полумеры. И лечить его, пока он не захочет со мной говорить, не получится. Но торопиться нельзя. Поспешу – оттолкну. Лучшее, что я могу для его выздоровления сделать – запастись терпением и ждать...

Я скинула через голову простое домашнее платье, натянула ночную сорочку, и скользнула в постель.

– Сладких снов, Нольвенн.

– Сладких снов, Шела.

* * *

Багрово-алая вспышка. И крик. Дикий, животный, ввинчивающийся в мозг. То ли мой собственный, то ли чей-то еще. Хочется заткнуть уши, но нечем. Рук нет. Да и тела нет тоже. Вместо него только жгучие языки пламени, пляшущие вокруг, тонущие в алых сполохах. И крик. Крик. Крик.

Боги милостивые, да заткните вы уже его!!!

«Сдавайся... покой... тишина... сдавайся... сдавайся... сдавайся...»

Я рывком подскочил на кровати, больно ударившись плечом о стену. Тело горело, сердце тараном билось в грудную клетку, с носа капал пот, меня всего колотило крупной дрожью, а в раскалывающейся на две половины голове все еще звучал эхом отчаянный крик, вперемешку с навязчивым шепотом. Стоило закрыть глаза, как перед ними снова поплыли багровые пятна. Я уронил голову на ладони, с силой стискивая виски, будто надеялся таким образом удержать ее от разваливания.

Спокойно. Спокойно. Вдох. Выдох. Вдо-ох. Вы-ыдох. Медленнее. Еще медленнее.

Еще.

Мне, как всегда, сложно было сказать, сколько времени прошло от момента пробуждения до того, как сердце наконец выровняло ритм, тело вновь стало послушным, а в голове воцарилась звенящая тишина. А еще все чаще мне казалось, что этот момент может и не наступить.

На несколько мгновений я рухнул обратно на кровать, продолжая медленно и глубоко вдыхать свежий ночной воздух, льющийся в комнату из открытого настежь окна.

Мысли упрямо хотели вернуться к прокручиванию в голове жуткой картинки и страшного крика, но я отчаянно сопротивлялся. Нет. Нельзя. Надо думать, о чем-то хорошем. О чем-то светлом. Беда только, что светлых воспоминаний с каждым днем становилось все меньше и меньше. Они блекли и теряли силу.

Я поднялся с кровати и подошел к окну, тяжело опершись руками на подоконник. Выделенная мне комната была на четвертом этаже с видом на лес. Хотя, сдается мне, в этом замке мало комнат, где можно скрыться от этого вида. Черная громадина, простирающаяся до самого горизонта, слегка посеребренная неярким светом молодой луны. Брейден. Вот уж никогда не думал, что меня занесет к границам этого древнего чудища. Впрочем, если в моей жизни и были какие-то планы, судьба виртуозно пустила их коту под хвост.

Стоп. Светлое. Думать о светлом.

Здесь тепло. У нас в Равене даже в разгар лета, как сейчас, редко выпадали действительно жаркие дни и солнце редко грело так, как сегодня, когда я сидел на скамье во дворе. От теплых лучей, касающихся кожи было почти щекотно. Как и от прикосновений лекарки, копошившейся в моих волосах. Одни боги знают, чем она там поначалу занималась – уж точно не стригла – но одергивать и потирапливать ее желания не было. Тонкие пальцы перебирали пряди, чуть дергали расчесывая, и от этого кожу приятно покалывало, а в голове становилось на удивление легко и пусто.

Лекарка. Рыжая. У нас таких считали ведьмами, но здесь, южнее да еще и рядом с морем, которое всю бороздили корабли «огненноволосых» иртов такая масть, наверное, редкостью не была. Да и глаза у нее совсем не сияют изумрудным ведьминским огнем. Обычные, карие. И веснушки на носу.

Сколько ей лет? Девятнадцать? Двадцать? Может, и чуть больше – взгляд цепкий, серьезный. Взрослый. Только я в свои двадцать пять все равно себя рядом с ней ощутил чуть ли не замшелым стариком. Ощущение было противное, оттого и захотелось себя в порядок привести.

Целительница душ. Я хмыкнул. Что именно это значит, директор так внятно и не объяснил, но одно я знал точно – душа моя в исцелении не нуждалась. С ней, слава богам, все в

полном порядке. Вот голову бы подлечить не мешало, но там, где уже несколько веков не могут найти решение лучшие маги и целители всего мира, неужто совладает зеленая девчонка-недоучка? Будь у нее хоть тысячу раз редкий дар.

Нет, надеяться на него я не буду. Пока что справляюсь сам. А там найдется кому справиться...

Вспомнилась сегодняшняя стычка у столовой. Вот, где я действительно облажался. Но кто бы мог подумать, что черный балахон, едва задевший меня плечом и ляпнувший какую-то невинную шутку, так живо воскресит в памяти день штурма Зубастого замка и проклятую фигуру на его стене.

Кровь ударила в голову моментально, и я даже не помнил, что ответил – но ответил резко и зло, с приятной улыбкой. Мальчишку словно кнутом стегнуло. Он шагнул на меня – и буквально налетел на мой кулак, впечатавшийся в его живот. Щенка согнуло пополам, и я впился пальцами в его шею сзади, чуток пониже затылка. Второй рукой перехватил, завернул за спину его руку – а не пытайся колдовать, гаденыш! – и сжал кисть в том месте, где рука переходит в ладонь. Сильно сжал, болезненно. Потянул немного на себя за шею, надавил на запястье, одновременно заставляя противника выпрямиться, прочувствовать свое полное поражение и прикрываясь им от его приятелей. А то, мало ли, вдруг им в голову придет воспользоваться магией и численным преимуществом?

Один из компании чернобалахонистых все же дернулся было сделать пасс ручонками – и я просто и доходчиво "перекатил" в своей руке тонкие косточки чужого запястья. Пленник взвыл от боли – и его дружки разом растеряли пыл...

Я поморщился, провел ладонью по лицу, чуть сдавив все еще ноющие виски. Вспоминать об этом было неприятно. Молодец, наемник, ничего не скажешь. Силен! Сорвался на малолетних щенков – у них ни опыта еще, ни сил, ни хрена.

Если бы не Шела... не сжавшие запястье пальцы, не ровный, спокойный, излучающий доброжелательность голос...

По крайней мере, она не дура и панику разводить не стала. Как и читать мне нотации на тему «ай-яй-яй, Кайдэн, ты такой нехороший мальчик». А лекция о том, что у них здесь считалось наказаниями, меня только позабавила.

В лесу, на который я продолжал бездумно пялиться, вдруг начали один за другим загораться разноцветные огоньки. Они вспыхивали то там, то здесь, танцевали светлячками, манили, кружили голову, звали за собой, обещая что-то прекрасное и неведомое.

Я фыркнул и отошел от окна. Не на того напали. Только развлечений и опасных игр с шаловливыми фейри мне для полного счастья не хватало.

Глава 2

Небо сегодня хмурилось. Белесая монетка солнца едва проглядывала сквозь серую хмарь, а распластавшиеся до самого горизонта облака то и дело одаривали всех желающих и не очень мелкой моросью, изредка переходящей в настоящий дождь. Кого-то такая погода, возможно, и не радовала, а вот боевики, наверняка, пребывали от нее в восторге. Они отродясь не сидели за конспектами, лекции если и выслушивали, то только затем, чтобы пойти тут же отрабатывать их на практике, а еще каждый день в любую погоду с утра их выгоняли на полигон для закрепления пройденного накануне и ранее материала.

Ну и просто, чтоб не расслаблялись!

Так что мы, целители, в чьи обязанности входило посменное дежурство на этом самом полигоне, из первых рук знали, какое это сомнительное удовольствие – швыряться огнем, от одного уворачиваться, бегать, прыгать и валяться в пыли в частенько безжалостный даже по утрам летний зной. Уж лучше дождь.

– Ой, смотри, а вон и твой новенький! – жизнерадостно отметила Лоана, с которой мне сегодня выпало следить за тем, чтобы первокурсники факультета боевой магии благополучно дожили до следующего занятия.

«Новенький» Кайдэн, прославившийся на всю школу благодаря короткой, но на диво яркой стычке с демонологами, быстро стал еще и «моим» среди всех знакомых. Можно подумать, мы по собственной доброй воле вместе столько времени проводим!

– Не мой он, – недовольно буркнула я в который раз. Определение меня не смущало, но напрягало. Не хватало еще, чтобы его услышал сам Кайдэн. Интуиция подсказывала мне, что такую принадлежность он вряд ли расценит положительно.

Боевики высыпали на полигон кучно, о чем-то переговариваясь, и лишь лучник держался чуть в стороне, выделяясь из толпы не только светлой макушкой. Я тихонько вздохнула – послали же боги упрямца. Ну что ему стоит быть хоть чуточку поприветливее! Ведь мог бы, я же чувствую!

К тому времени, как наставник Одрэн пояснил ученикам цели и задачи урока, небо разродилось не только мелкой моросью, но и полноценным дождем, часто заколотившим по крыше навеса, под которым сидели мы с Лоаной. Я снова вздохнула и тайком выудила из кармана одну из запасенных заранее морковок. Завтрак завтраком, а наблюдать за зрелищем всегда интереснее с «хлебом».

А зрелище предстало то еще!

Сегодня боевики работали с огнем. Яркие вспышки, ревушие клубы пламени, расплескивающиеся по мишеням, огненные круги, отчаянно шипящие под льющимся с неба водопадом, стелющийся по земле пар...

Темные кожаные куртки – отличительный признак боевиков – служащие своего рода легким доспехом, намокли и заблестели. Вода стекала с облепивших головы волос, по лицам, превращала ровную землю под ногами в грязевое месиво. Сила звенела в воздухе, от нее, как и от вида, перехватывало дух. И не даром, ох не даром, эти дежурства были одной из повинностей, которую будущие целительницы не торопились избегать.

А Кайдэн справлялся ничуть не хуже других. В чем-то даже и лучше. Не зря директор Паскветэн упоминал про очень сильный дар. Лицо из мрачного сделалось просто сосредоточенным, кажется, происходящее его хоть немного, но заинтересовало.

Когда от простой отработки заклинаний на мишенях боевики перешли к поединкам, я все же заволновалась и вгрызлась в морковку куда активнее, не обращая внимания на смешливый взгляд однокурсницы.

Противники обменивались парой-тройкой ударов и потом, по знаку наставника, менялись. И первые три прошли без особых происшествий. Одному из первокурсников, имя которого я узнать еще не успела, слегка задело ногу, но мокрая ткань защитила от огня не хуже доспеха, и наставник махнул рукой, подскочившей Лоане, чтобы сидела на месте.

А потом все случилось как-то внезапно и очень стремительно.

Когда был подан очередной знак для смены партнера, боевик, стоявший напротив Кайдена успел погасить заклинание, а вот лучник – нет. Не ожидавшего такой «подлости» парня швырнуло наземь врезавшимся в грудь шаром, да еще и протащило по грязи. И на всеобщую беду у пострадавшего сыскался друг-заступник.

Удар пришелся Кайдену в спину, заставил его всего лишь пошатнуться и наверняка был просто намеком – эй, поосторожнее будь! – но этого было достаточно для того, чтобы у моего подопечного сорвало крышу.

Резкий разворот и удар. На этот раз чистой, неразбавленной магией, а не кулаками. Он пришелся на выставленный щит – парень оказался не промах. А дальше уследить за тем, кто и что делает у меня уже не получилось. Кажется, вмешался еще кто-то, вокруг все загрохотало, засверкало, запылало. Лоана вцепилась в мою руку, и я не столько услышала, сколько заметила, как шевельнулись ее губы, шепнув имя Бригиты.

Чтобы остановить этот хаос наставнику Одрану потребовалось не так много времени. Злющий, как демон, он быстро раскидал сцепившихся магов в разные стороны, кого-то удержали друзья-однокурсники.

Я схватила лежащую под боком сумку со снадобьями и лекарскими принадлежностями и кинулась к пострадавшим, пытаюсь отыскать взглядом среди измазанных в грязи первокурсников Кайдена, но учитель возник на моем пути, как из-под земли.

– А ну-ка брысь! – сурово рявкнул он. – Потом остолопов осмотрите, чай от ран не помрут, если только от дурости!

После чего он повернулся к нам с Лоаной спиной, тут же про нас забыв.

– Так! Ты, ты, ты и ты, четыре круга по полигону бегом. Кто придет вторым-третьим-четвертым – еще круг. Живо-живо, шевелитесь! Вы сюда не на девок глазеть пришли!

– Но наставник, он первый начал...

– Пять кругов! Бего-ом... марш!

Кайден подчинился самым первым. То ли чувствовал за собой вину, то ли сыграла военная привычка подчиняться приказам, которой у его сокурсников пока еще не выработалось. Однако остальные его быстро догнали и вырвались вперед.

Я сначала заволновалась – может он пострадал куда серьезнее, чем оценил наставник и ему помощь требуется прямо сейчас, а не когда он свалится в грязь без сознания? Но нет, судя по размеренным движениям, ровному темпу, он просто не стремился стать первым и закончить наказание, как можно быстрее. Сомнительное удовольствие месить грязь под дождем для него, кажется, было не таким уж сомнительным.

В итоге, когда он, наконец, добегал свое, весь курс уже давно вернулся к занятию, а Лоана, треща, как сорока, заговаривала зубы последнему пострадавшему, который по сути был первым, ибо с него то все и началось. У парнишки был сильнейший ушиб грудной клетки и лично я подозревала еще и трещину в ребрах.

Наставник, едва глянув на подошедшего к нему с отчетом о выполненном задании лучника, махнул в мою сторону, и я вздохнула – таки царапинами не отделался.

И еще как не отделался!

Куртка и рубашка на левом плече свисали обгорелыми лохмотьями, а сквозь них просвечивала красная воспаленная кожа, уже наливающаяся волдырями. К тому же он еще и прихрамывал.

Мне захотелось застонать – ну вот куда несет этого недоумка, когда он даже щит нормально поставить еще не может?

– Садись, – тем не менее, спокойно произнесла я, указывая на лавку. Совершенно очевидно – нотации здесь не помогут, так чего зря воздух сотрясать? – Ожог сильный... очень больно? Могу настойку корня мандрагоры дать, она...

– Не надо, – процедил лучник сквозь зубы, не глядя на меня.

– Ну и... терпи! – в свою очередь фыркнула я, проглотив куда менее профессиональное «дурак!». – Мне нужно снять с тебя куртку и рубашку, чтобы обработать рану.

Кайден потянулся к завязкам горловины и тут же прошипел сквозь зубы сдавленное ругательство. Ожог, омытый и смягченный холодным дождем начал давать о себе знать жгучей болью, усиливающейся от малейшего движения.

К счастью, помимо отказа от обезболивающего, отбрыкиваться от моей помощи лучник больше не стал. В три руки мы кое-как стащили с него одежду, и все это время он не переставал проклинать все на свете такими цветастыми оборотами, от которых у меня зубы сводило. Я представила, что начнется, когда я стану наносить мазь на ожог и содрогнулась. А потом, не придумав ничего лучше, нашарила в кармане еще одну морковку и, подгадав момент, сунула ему в рот.

Кайден поперхнулся очередным ругательством.

– Свежая морковь очень хорошо помогает от ожогов! – наставительно отчеканила я в ответ на изумленный взгляд.

– При приеме внутрь? – крайне скептически хмыкнул лучник, тем не менее с хрустом откусив от «затычки».

– В том числе, – соврала я, и глазом не моргнув. А что? Убью одной стрелой двух зайцев – и заткну, и полезным для здоровья овощем накормлю!

Веры в серо-стальном взгляде не прибавилось, но морковь оказалась вкусной.

Я сунулась в сумку за мазью на основе еловой живицы, свиного нутряного сала и пчелиного воска.

– Всегда задавался вопросом, – процедил Кайден, когда я начала наносить мазь. – Почему все маги как маги – дунул-плюнул и чудеса, а целители без своих вонючих гадостей ничего и сделать толком не могут.

Я от его слов сбилась с неслышного речитатива заговора и сила, накопленная на кончиках пальцев, смешивающаяся с мазью, в разы усиливающая ее целебное воздействие, бездарно рассеялась в воздухе.

– Потому что ломать не строить – раздосадовано буркнула я. – От ваших дунул-плюнул вон что получается. – Я кивнула на ожог. – Крушить все вокруг – большого ума не надо. Поэтому боевики и учатся три года. А целители – восемь.

Я замолкла на какое-то время, а потом не удержалась и прежде, чем начать заново заговаривать рану, проворчала себе под нос:

– И никакие они не вонючие!

Раздавшийся следом хруст морковки отдавал отчетливой насмешкой.

Сила лилась прохладным ручейком, осторожно касаясь обожженной кожи, помогая ей восстанавливаться в разы быстрее. Она смешивалась с терпко пахнущей сосновым лесом мазью, и та отдавала всю свою целебную силу без остатка. У обычной травницы лечение такого ожога заняло бы не менее недели регулярного ухода. Кайден же, сняв повязку послезавтра, обнаружит лишь небольшое покраснение.

Вот вам и какой от вас толк!

Я продолжала мысленно пыхтеть и бубнить, перевязывая его плечо, когда к нам подошел наставник Одран.

– Ну, что там?

– Все нормально, – мгновенно отозвался лучник.

– Не тебя спрашивают! – осадил его мужчина.

– Ничего страшного, – отозвалась в свою очередь я, затягивая узел бинта. – Пару раз сменить повязку – и следа не останется.

– Отлично, я сообщу наставнице Мадален, пусть отметит это в твоей противоожоговой практике. А вот ты, – он повернулся к Кайдену. – Незачет. Дополнительные занятия по контролю силы и пересдача через неделю. Давай, шуруй обратно на поле, хватит расслаживаться. Поработаешь над щитом пока, для этого и одной руки хватит.

Лучник подчинился без возражений, на лице не отразилось ни малейшего недовольства даже когда пришлось натянуть обратно мокрые и драные рубашку и куртку, хотя приятного в этом, очевидно, было мало. И уже поднявшись, и сделав шаг вслед за наставником в сторону продолжающих занятие однокурсников, он обернулся и посмотрел на меня.

– Спасибо.

То, что к пациенту нужно искать дополнительные подходы, мне было ясно давно. Вот только какие – в голову не приходило. Кайден вежливо, но твердо пресекал мои попытки расковырять его скорлупу, и чем дальше, тем больше казался мне похожим своим непрошибаемым упрямством на осла, которого силой никуда не сдвинешь. А я все не могла подобрать достаточно заманчивую морковку, чтобы подвесить ему перед носом.

И вот пару дней назад, во время беседы с директором Паскветэном, меня осенило. На следующий же день я подкараулила Кайдена после ужина, собираясь хитростью и уловками вытрясти из него обещание показать мне, как он стреляет из лука – ведь я же видела, насколько бережно он относится к оружию, даже в школу с собой привез, хоть тут ему оно не особенно и нужно. Ведь не может это не иметь причин?

К моему разочарованию, хитрость с уловками не понадобились. Стоило мне затронуть эту тему – и подопечный сам признался, что да, ему не хватает постоянных тренировок, но на глазах у всей школы не хочется, не любит он, когда на него толпа народу пялится, и вообще...

Ах, как же была права наставница Мадален, когда говорила нам, что главное – понять, чего хочет человек, и тогда он сделает все, чего хотите вы! Я прямо предложила:

– Кайден, а если я покажу тебе подходящее место – ты покажешь мне, что такое эта ваша стрельба из боевого лука? Ведь один человек – это же не толпа, верно? – я заискивающе заглянула в прозрачные светло-серые глаза.

Он хмыкнул, окинул меня понимающе-оценивающим взглядом и согласился.

Хорошую поляну я знала давно – просторный прогал, чуть вытянутый в длину. Тихое место, куда можно пройти не через главные школьные ворота, а сквозь неприметный лаз в ограде. Школяры здесь бывали редко – компании для гулянок выбирали места ближе к реке и дороге, парочки для свиданий искали уголки поукромнее. То, что надо нелюдимому одиночке для любимого занятия. К ней я и вывела своего несговорчивого подопечного.

Лес здесь словно расступился, давая солнца и простора траве, выкинувшей к середине лета колоски. Сухостоина на дальнем конце поляны, теперь уж и не разберешь, что это раньше было, все еще не упала. Обомшелую корягу, что раньше красовалась чуть ли не в самом центре, кто-то перетащил ближе к границе деревьев. А прямо между двумя мертвыми деревьями, ближе к краю, красовался пенёк, обросший пестрыми поганками. Я пристально вгляделась в него, потом еще раз обвела взглядом место – все в порядке. Хорошо.

Осталось выяснить, подойдет ли она моему подопечному из его профессиональных, стрелковых соображений – но если и нет, то поискать еще что-то мы всегда успеем. Брейден велик, и человек знающий всегда найдет здесь то, что ему нужно. Я посторонилась и пропустила Кайдена вперед:

– Смотри, как тебе?

Лучник, в отличии от меня, долго рассматривать поляну не стал – мазнул взглядом, и приговорил:

– Отлично.

Деловито бросил куртку на корягу, куда аккуратнее пристроил туда же колчан с луком и стрелами, и принялся мерить поляну шагами.

– Ты только в живое дерево не стреляй, ладно? – спохватилась я. – А то мало ли. Брейден – место не простое...

– Я помню, Шела. – Лучник насмешливо сверкнул на меня глазами. – Ты говорила.

Говорила. А еще сама привела на опушку в урочный час и, положив свои руки поверх его, прошептала положенные слова, разломала жертвенный хлеб. Сама вынула пробку из сушеной тыквы, полной молока и, пролив в лесную траву треть, просила лес взглянуть на этого человека и не вредить ему – если, конечно, он сам не навредит лесу. После я отдала сосуд Кайдену, бдительно проследив, чтобы он отпил не менее трети, запивая свою половину краюхи. Оставшуюся часть подношения мы положили на прогретый солнцем валун, и, постояв немного в тишине, развернулись и ушли. Не оглядываясь.

Все было сделано по правилам, и Кайден тщательно следовал моим объяснениям, но меня так и не оставило ощущение, что он все же не совсем понимает, в какое место явился. А потому, я на всякий случай повторила ему:

– В мертвое дерево, Кайден. Хорошо?

И смотрела на него требовательно и серьезно до тех пор, пока он не дернул углом рта:

– Хорошо.

Я удовлетворенно кивнула, уселась на корягу, и потянула к себе небрежно брошенную лучником куртку. Сложила и пристроила себе на колени.

Кайден взял оставленное возле меня оружие, застегнул на талии пояс с колчаном, достал из чехла лук, расписанный быками и журавлями Эзуса, воина и покровителя воинов. Придирчиво осмотрел. После вынул тетиву, пропустил сквозь пальцы, проверяя, не отсырела ли? Цела ли?

Убедившись, что снасть в порядке, он зацепил петельку на одном конце тетивы за один из рогов, упер его в землю, и надавив своим весом, согнул тело лука, ловко зацепил еще одну петельку за второй рог. Снова осмотрел свое оружие.

Я смотрела на Кайдена, и едва ощутимая улыбка сама собой касалась моих губ.

Я люблю то чему учусь, то, чем буду заниматься всю жизнь, зарабатывая себе на хлеб. Мои таланты больше касаются собственно целительства, милостивая Бригита не отмерила мне великого дара к изготовлению снадобий, но я все равно люблю это занятие. И перед тем, как начать готовить очередное зелье, я точно так же придирчиво перебираю свой инвентарь. Чисты ли разделочные доски? Остры ли ножи? Те ли подготовлены пестики и ступки?

Возможно, это не всегда необходимо – ведь далеко не каждому снадобью важно, в какой ступе оно будут измельчено, в дубовой или бронзовой. Но здесь суть в самом ритуале подготовки. Он не только позволяет убедиться, что все в порядке, он настраивает на нужный лад. Приводит в должное состояние разум, чувства и силу. И когда я методично расставляю-раскладываю ножи и мерные ложки, я вся прихожу в нужное настроение. По-моему, в этом есть какое-то волшебство. Магия без магии.

И потому, я сейчас, как никто, понимала Кайдена, совершающего перед началом стрельбы свой собственный ритуал подготовки. Движения его были привычны и размерены. Отточены годами и закреплены многократными повторениями.

Возможно, по отдельности не все эти действия были нужны сейчас для начала тренировки – но все вместе они были лучнику совершенно необходимы. Они дарили ему успокоение.

Я смотрела и радовалась, что не стала давить на него с целью форсировать лечение, хоть и советовал мне директор Паскветэн. Все же, я оказалась права – он и так оттаивает. Уж лучше я так, потихоньку, полегоньку, без рывков. А теперь, глядишь, и веселее дело пойдет.

Кайдэн ухватил пустую тетиву, и потянул ее: легко, потом сильнее, и до самой челюсти. Захватил несколько стрел, воткнул в землю у ног. Потянул из колчана еще одну стрелу, наложил на тетиву, плавным движением, будто продолжающим предыдущее, натянул ее – и отпустил. Глухо стукнуло – стрела вошла в сухое дерево, там, где вверху раздваивался ствол, ровно посередине, а Кайдэн быстрым смазанным движением выдернул из земли еще одну...

Вторая, третья и четвертая стрелы вошли в сухостину еще до того, как прекратила дрожать первая, ровной строчкой от развилки вниз, пятая срезала голову поздней ромашке, последняя ушла в обросший грибами, словно бахромой, пенек.

– Ты что творишь, хулиган! А вот я тебе! – противным старческим голосом обругал его пенек, выдернул из земли корешок, переломил пополам стрелу и, ловко перебирая высвобожденными гибкими корнями, удрал в гущу леса, бормоча под нос: – Вот тебе и погрелся на солнышке!

Кайдэн молча проводил ворчливый пенек ошалелым взглядом. Я во все глаза смотрела на лучника – ну, приятно же, ради разнообразия видеть его не хмурым, недовольным или безразличным, а вот таким ошеломленным. Тот, вдоволь налюбовавшись видами леса, перевел взгляд на меня.

– Что это было?

– А я тебе говорила!

Мы заговорили разом, и его изумленный возглас слился с моим самодовольным.

Лучник гневно сверкнул на меня глазами – ярко-голубыми на фоне ясного неба – и отвернулся с крайне независимым видом.

Выдернул еще пучок стрел, воткнул на освободившееся место и расстрелял ни в чем не повинную древесину, с такой скоростью, словно от нее зависела его жизнь.

Или рассудок.

И тогда я вдруг поняла, что прямо сейчас лучше и правда оставить его одного. Не потому, что Кайдэну в моем присутствии было неудобно, нет. Как раз наоборот, просто потому, что в данный момент для него никого и ничего вокруг не существовало, кроме цели перед глазами, лука в руке, поющей тетивы под пальцами. Еще успеется и поговорить, и понаблюдать. Главное, что сейчас он не тонул сам с собой в глубоком ледяном озере, а наоборот – будто вынырнул на поверхность и жадно хватанул ртом свежий воздух.

И это хорошо. Это правильно. Значит, не только я его к свету тяну, еще и сам тянется, хоть и редко.

Колчан опустел, Кайдэн отправился доставать стрелы из мишени, и я воспользовалась этим, чтобы его окликнуть.

– Ты не против будешь, если я тебя тут оставлю? Хочу сходить кое с кем повидаться...

Лучник отрицательно мотнул головой.

– Дорогу до школы потом сам найдешь или зайти за тобой на обратном пути?

– Найду.

– Ну и славно.

Я поднялась с коряги и сделала несколько шагов в сторону кленов на другом конце поляны, как лучник меня окликнул.

– Шела! – Я обернулась и вопросительно вскинула брови. – Тебе в лесу одной не опасно?

Забавный вопрос. Мне не удалось удержать улыбку. Только вызвана она была не тем, что он спросил, а внезапным проявлением заботы, которую сам Кайдэн почти наверняка не осознал. Он ведь тоже остается один, но о себе почему-то не подумал.

– Нет, не волнуйся. Лес не трогает школяров.

Мой подопечный серьезно кивнул и вернулся к прерванному занятию, а я с легким сердцем зашагала по направлению к березовой роще. Давно я не навещала прабабку, думаю, она мне будет рада.

Березовая роща встретила меня музыкальным шелестом, игрой солнечных бликов в трепещущей листве и свежим ветерком, который гулял здесь всегда, даже в самую безветренную погоду, приветствуя каждого прибывшего и обозначая границы владений сильфиды⁶.

Она нашлась в самом центре, где тонкие белые стволы расступались, образуя небольшой, идеально круглый пяточок пустой земли, посередине которого лежал плоский гранитный валун-жертвенник. В Брейден за помощью люди приходили нечасто, разве что от величайшего отчаяния сыскать ее где-либо еще, но каждый знал, что с пустыми руками к фейри и соваться нечего. Даров на камне сейчас не наблюдалось, зато наблюдалась сама Лавена.

Она кружилась в воздухе под музыку листьев, лишь изредка касаясь нагретой поверхности самыми кончиками пальцев и снова взмывая вверх. Радужные стрекозиные крылья за спиной трепетали, отражая солнечные лучи, развевались полупрозрачные, будто сотканые из воздуха одежды, то и дело обрисовывая соблазнительные контуры идеального женского тела.

При моем появлении музыка ветра оборвалась на дрожащей ноте, и сильфида, завершив пируэт, плавно опустилась на камень.

– Шела! Какой неожиданный визит! – А вот старческого брюзжания в звенящем юном голосе хватило бы не на одну ворчливую старушку. Да еще по-совиному желтый, жесткий, мудрый взгляд выдавал в прекрасном видении уже несколько веков совсем не юное создание.

– Прости, – искренне извинилась я, присаживаясь рядом. – Было очень много дел...

– Как его зовут? – тут же деловито осведомилась прабабка.

– Учеба его зовут, у-че-ба! – Я обреченно закатила глаза. Родственники, будь они даже фейри, иногда мало чем отличались друг от друга.

– Ну тогда у тебя нет совершенно никакой уважительной причины, чтобы так беспардонно пренебрегать моим обществом! – Желтые глаза опасно сверкнули. Будь я обычным человеком, то, наверное, улепетывала бы уже со всех ног (даже зная, что это бесполезно, все равно что от ветра убежать), а так только возмутилась:

– Так и когда я должна была к тебе прийти?!

– Вчера. А лучше, позавчера, на всякий случай.

– Да, даже если тебя не было! – едко поддакнула я.

– Да, – кивнула вечно юная бабушка, и мой сарказм пропал даром. Оставалось только вздохнуть и попытаться оправдаться:

– Мне директор нового подопечного навязал. Очень запущенный случай...

– Страх? Неуверенность? Озлобленность?

– Отчаяние... – вздохнула я. – Очень злое отчаяние.

– У-у-у... – сочувственно протянула Лавена. – Но он хоть хорошенький?

– Кто о чем, а фейри все о развлечениях, – поддразнила я.

– Девочка моя, без развлечений в этом мире жить очень скучно. И тебе следовало бы об этом помнить.

– Мне нравится то, чем я занимаюсь!

– Ты просто еще не знаешь, что именно теряешь, – наставительно отрезала прародительница. – А у этого лучника очень красивые глаза.

Я открыла было рот, чтобы возмутиться, к чему был расспрос, если про Кайдена она уже знает, но Лавена стремительно сменила тему и возвращаться к предыдущей было уже бесполезно.

⁶ Сильфы – воздушные крылатые фейри, большей частью дружелюбно настроенные по отношению к людям.

О том, что в моей далекой родне были фейри знали не многие, хоть и многие – особенно маги – это интуитивно чувствовали, даже если не могли это ощущение внятно описать. Кровь не водица, особенно такая кровь. Спустя три поколения в потомке сильфиды не было уже ни крохи магии леса, и, тем не менее, все его жители безошибочно ее узнавали. Лавена сама нашла меня, стоило мне первый раз пересечь границу Брейдена.

Когда рождался ребенок-полукровка, дивный народ сам решал, чего в нем больше – чело-века или фейри. Во втором случае младенца они забирали, не сильно интересуясь мнением человеческого родителя на этот счет. А в первом оставляли – или же подкидывали – людям.

Среди людей полукровкам жилось нелегко – чужие и здесь, и там. Их не то, чтобы боялись – раз фейри от них отказались, значит, не прижилась в них в нужной степени злая и коварная лесная кровь. А просто относились как к увечным, второсортным, с врожденным неискоренимым изъяном. Не люди ведь – нелюди.

Мои родители в Вирш перебрались из села еще до моего рождения, спасаясь как раз от этого клейма. В матери хоть лесной крови и была жалкая четвертинка, а все равно, когда отец на нее глаз положил, односельчане на него смотреть косо стали. Вот он и не выдержал. Спокойно пожить без шепота за спиной смог, правда, только отец. Мама умерла родами...

А так, полукровок и прочих потомков лесных жителей даже в школу раньше не принимали. Только директор Паскветэн, заняв эту должность, пустил их на порог и тепло принял. Ученики, если поначалу и роптали, то привыкли быстро. Маги вообще быстро привыкают ко всяким странностям. Хотя все равно о родстве с лесом на каждом углу трубить было не принято. Вот и я помалкивала.

– Кстати, ты мне не поможешь? – когда сильфида закончила делиться своими новостями, я полезла в сумку. – Нам тут задание по травоведению дали, а я что-то вообще не понимаю, как это сочетается.

– Ну давай, – с притворным недовольством вздохнула прародительница, которая вообще-то обожала упиваться собственной мудростью и важностью. – Я тут, кстати, еще насчет твоих веснушек подумала, а что, если?..

Остаток дня мы провели, валяясь на камне, обсуждая травы, новейшие и эффективнейшие способы сведения веснушек, Нольвенн и ее ухажеров, и поедая принесенные мной для прабабки гостинцы. Дивный народ при всем своем могуществе совершенно не умел печь булочки с маком.

Возможность заниматься стрельбой пошла больному на пользу, однозначно.

А иначе чем объяснить резкое сокращение количества драк, в которых он успел поучаствовать? Или затеять. И, подозреваю, что я еще не обо всех знала – в конце концов, залечить разбитые костяшки способна не только я, а желающих оказать помощь bravому лучнику среди целительниц было хоть отбавляй! Девичьи сердца трепетали при виде страдающего героя, их хозяйки млели и сладко обмирали, а я скрежетала зубами – вот зачем они его поощряют?!

Вот, если бы вместо этого дурацкого восхищения его драки встречали общим неодобрением, глядишь, он бы сдержаннее себя вел. А так – нотации ему читала одна я. А что такое – одна я, против толпы восторженных поклонниц? Ничего, я так считаю. Воспитательный момент похоронен полностью...

Мысли о том, что воспитывать зрелого мужика, наемника и сложившегося человека занятие бесполезное, я от себя гнала.

Ну, он же не дурак. Не сволочь и не истерик. Ему не доставляют радости чужие боль или унижение. Так какого ж демона он вспыхивает по малейшему поводу?!

А еще, после той прогулки Кайдэн перестал шарахаться от своего целителя. От меня, то есть. И хоть делиться тем, что его угнетает, тоже не спешил, но это уже был успех. Который

я собиралась развивать – и потому, в этот выходной мы с лучником снова шли в лес, на облюбованную полянку.

На этот раз он не надел кожаную куртку факультета боевиков, на нем была зеленая котта с капюшоном, традиционный наряд наемников-стрелков. Колчан с луком и стрелами он сегодня закрепил за спиной, а на поясе висели перчатки. Я спускалась по широкой лестнице первого этажа, и уже видела его, ожидающего меня внизу, когда раздался истошный женский крик.

Я птицей слетела в холл, и выскочила за двери вслед за опередившим меня Кайденом, протолкалась сквозь моментально образовавшуюся толпу – и онемела. Язык присох к небу.

С Грейгом мы дружили на тему веснушек. Он рассказывал мне, какими народными средствами пользовались в его краях – а я делилась премудростью, которую мне щедро сыпали наставники и Нольвенн с Лавеной. Помогало одинаково плохо.

Огненно-рыжий парень, мой ровесник, жутко стеснялся своей девичьей склонности к красоте, и потому давали друг другу советы и делились результатами мы с ним тайно. Встречаясь случайно где-нибудь в одном из школьных переходов обменивались кивками-улыбками, и спешили дальше каждой своей дорогой. Для боевика, он был на редкость приятный – не насмешничал и не задира нос, не пытался доказать всему миру, какой он великий и непобедимый воин. Веселый, улыбчивый, симпатичный. Однажды на нашу тайную встречу притащил букетик лесных фиалок. Я тогда, помнится, жутко распереживалась, что это ухаживание, и вот тут-то и придет конец нашему замечательному общению, но напрасно паниковала – это был просто знак дружеского внимания. Приятный и, что скрывать, лестный.

А теперь Грейг лежал на каменных плитах двора в неестественной позе, из уголка его рта сочила алая тонкая струйка, а из груди, пробитой насквозь, вырастал высокий тонкий стебель. Ничего более жуткого я не видела...

И, видно, не только я – в зловещем молчании смотрели мы, школяры вперемешку с наставниками, как вслед за стеблем из раны разворачиваются резные листья, а на вершине побега набухает овальная головка цветка, прикрытая чашелистиками. Смотрели, как раскрывается тугой бутон, как разворачиваются в венчик цветка багровые лепестки.

Получившийся цветок был прекрасен. Меня затошнило.

А от бутона, чудовищного в своей красоте, разносился по широкому школьному двору голос...

Завораживающий, чудесный, журчащий ручьем и звенящий птичьими трелями голос не уступал в красоте пурпурному цветку. Слова его падали на камень певучими хрусталиками и разлетались острыми осколками.

Голос говорил о нарушении Договора.

Голос говорил о том, что была убита фейри – и Брейден требует выдать ему убийцу на суд. И дает на это срок в одну неделю, а по ее истечении Брейден возьмет у школы новую кровь, чтобы маги не забывали – Договоры следует чтить. И так будет до тех пор, пока виновный в нарушении древнего договора не будет покаран – одна жизнь в одну неделю. Если же маги откажутся выполнять требования фейри, и не восстановят нарушенный договор, то Брейден возьмет себе эту землю, и все, что на ней есть так же, как некогда ее и дал...

И как только отзвучал последний звук, как только стихло эхо последнего слова, все вокруг резко пришло в движение.

Кто-то из наставников бросился к телу Грейга, кто-то проталкивался через толпу в сторону главного здания, где располагался директорский кабинет, прочие же, словно опали с них цепенящие чары, принялись сгонять школяров внутрь. Мы, испуганные, растерянные, бестолково толпились, как стадо овец, не знающее, куда идти и не слушающее пастуха. Я же, ко всему прочему, то и дело подымалась на цыпочки, озираясь в попытках найти взглядом Кайдена.

В холле нас всех попросили не расходиться, а успокоиться и подождать немного здесь. Зря они это сказали. Ученики загомонили, какая-то девушка зарыдала, не скрываясь, ей в голос

вторила другая, неподалеку мальчишка лет тринадцати в балахоне демонолога кричал, что его отец этого так не оставит...

Я, наконец, сумела отыскать Кайдена – с противоположной от меня стороны, возле стены, мрачного, как и всегда, и почувствовала, как мне легче, а тошнота, появившаяся еще во дворе от созерцания дивного цветка, отступает. На задворках мелькнула мысль – ну, надо же, а я и не знала, что лесовики так умеют! Мелькнула – и пропала, растворившись в ворохе куда более насущных забот.

После нас расспрашивали. Кто где был, кто что видел. Кто знает, что случилось или может рассказать что-то полезное. Наставники пытались прояснить ситуацию хоть как-то, собирали сведения по крупинкам, и мне на миг стало их жалко – они ведь знают не больше нашего, но должны как-то справляться с ситуацией, выяснять подробности происшествия, искать подонка.

В то, что убийцей мог быть кто-то из наших, я не верила. Я здесь пять лет учусь, я знаю здесь если не всех, то почти всех, здесь нет, просто не может быть тех, кто способен на подобное! На месте наставников, я бы искала чужака.

Фейри были не слишком щедры на информацию – они не сказали, ни кто был убит, ни как, ни где. Сказали только, когда – ровно семь дней назад, в прошлый выходной. Как при таких исходных данных можно кого-то найти, я не представляю. Да уж, врагу не пожелаешь решать такую задачку.

Хорошо, что я не наставник, и это не мое дело, думала я, а внутри живота клубком собирался страх от мысли, что за неделю наставники могут и не успеть. И тогда лес возьмет новую жертву. Выберет случайным образом – и не помогут здесь ни боевые навыки и умения, ни родство с фейри, ни многочисленные школьные зашиты. Лес пройдет их, не потревожив – я сама слышала, как наставник Йохан говорил наставнице Мадален, что ни один из защитных контуров не был задет.

Я вдруг, внезапно, осознала, насколько незащищена. Перед силой Брейдена ничто вековые заветы, наложенные на стены школы, от него не спасут заговоры и обереги. Не удержат двери и замки – как не удержали ворота.

Я совсем отвлеклась от общего опроса, ушла в свои мысли, и очнулась лишь от громкого крика:

– Это он! Это он, он, он убил!

Отметила для себя, что говорящий явно находится в истерике, повертела головой, разыскивая крикуна, и обомлела – смутно знакомый парень-теоретик, третьекурсник, кажется, указывал на Кайдена.

А вокруг нарастал согласный ропот.

Ему припомнили все. Драчливость, нелюдимость, язвительность и неуживчивость. Нет, сначала-то кто-то вспомнил, что в тот день видел, как Кайден собирается в лес, что был вооружен, потом кто-то другой заявил, что мой лучник – вообще, единственный в школе, кто держит боевое оружие, потом... А вот потом начался откровенный бред. Выкрики, обвинения и нарастающий согласный гомон.

Я слушала – и не могла поверить. Эти люди, вообще, вменяемы?! Обвинить кого-то только на том основании, что этот кто-то умеет стрелять? Да они все рассудком тронулись от страха! Ведь ничего, ничего еще не известно – с чего взяли, малахольные, что фейри вообще убили оружием, а не магией, к примеру? Из того, что я лично, знала про обитателей Брейдена, можно было с уверенностью заявить – да чхали они на человеческие мечи и стрелы с присвистом! Так причем здесь наличие (или отсутствие) навыка обращения с оружием?!

Проталкиваясь локтями сквозь плотную толпу ближе к Кайдену, я тихо костерила его сквозь зубы – создал же себе репутацию, полудурок!

А вокруг все было плохо – уровень агрессии возрастал, люди, не отошедшие толком от испуга, накручивали друг друга, подстегивали, и недавний страх грозил вот-вот найти себе

выход. И нас тут всего двое – а такую толпу, да еще толпу людей, одаренных магически, я успокоить не смогу. Даже половинную не смогла бы – слишком уж силен накал страстей. Не под силу.

Я уже приготовилась попытаться все же, несмотря ни на что – как пришло спасенье. Оттуда, откуда я совсем позабыла его ждать – а зря. Наставнику Одрану понадобилось всего два слова и один пасс, чтобы охладить горячие головы. Причем, в прямом смысле. Холодом пробрало до самых костей, и даже глубже.

– Молчать всем! – густой низкий бас ударил в уши, и желающих воспротивиться приказу не нашлось.

У меня с плеч словно здоровенная плита упала – пусть пальцы на ногах занемели от холода, а все тело покрылось мурашками, пусть от звуковой атаки боевого наставника заложило уши и заныли зубы, но мой дар целителя душ явно говорил – агрессия пошла на спад. Опасность, что ученики прямо здесь и сейчас устроят самосуд, миновала, спасибо Бригите и наставнику Одрану!

А потом из-за массивной бородатой фигуры боевого мага выступил директор Паскветэн. Обвел собравшихся мудрым, печальным взглядом. И, не знаю, как остальным, а мне сразу стало нестерпимо стыдно, безо всякого магического воздействия. Как я могла подумать, что директор бросит своих учеников на произвол судьбы?

Директор Паскветэн заговорил – и говорил он все то, что я до того думала. Что пока ничего не известно, и рано кого-то обвинять, но он уверен, что до тех пор школяры не станут делать глупости. И после тоже не станут – виновный будет наказан согласно Договору. Ведь все его поняли, верно?

Я сердито пыхтела – конечно, они его поняли! Нашего директора попробуй, не пойми. Он у нас справедлив, но суров. Тем и славен!

Пока я мстительно представляла, что директор Паскветэн сделает с ослушником, если такой вдруг случится, он продолжил:

– И кстати. Кайдэн, ты ведь был в лесу не один?

– Нет, – буркнул в ответ мой лучник.

Я окинула его придиричивым взглядом и чуть не взвыла. Опять замкнулся! Вид мрачный, взгляд потух, и в линии рта, в набыченных плечах, во всей его фигуре читается обреченность и готовность продать свою жизнь подороже.

Я молча, но от души выругалась в адрес мерзавца, убившего фейри – и разом пустившего демону под хвост весь мой труд. А я недавно как раз отчиталась директору об успехах – и где они теперь?

Пока я проклинала про себя убийцу, допрос продолжался:

– С кем ты был, скажи нам пожалуйста?

– С Шелой, – голос Кайдена подвел. Он откашлялся, и повторил: – С Шелой Кассади. Целительница, шестой курс.

Директорский взгляд остановился на мне:

– Это так, Шела, ты была в лесу с Кайденом в тот день?

– Да! – уверенно и твердо отозвалась я.

– И вы были там вместе все время? – пытливо уточнил директор, пристально глядя на меня.

И неожиданно для самой себя, я и на этот вопрос так же уверенно и твердо ответила:

– Да!

Директор кивнул, будто ни на миг не усомнился в этом, и будничным тоном обратился к остальным:

– Ну что ж, если с этим вопросом разобрались, то пока все могут быть свободны. Расходитесь по своим комнатам, и постарайтесь вспомнить, кто где был в тот день, что видел и

что делал. Это может быть важно – нам необходима ваша помощь, и значение может иметь любая мелочь.

С этими словами он кивнул всем и развернулся к выходу. Школяры, словно только этого и ждали, хлынули в разные стороны – к дверям, к лестнице, просто в разные стороны – искать друзей, делиться впечатлениями, обсуждать последние страшные события. Я застряла в этом водовороте, а когда он рассосался – Кайдена в холле не было.

Не-не-не, его нельзя сейчас одного оставлять, он же там себе такого в дурной своей башке наворотит!

Куда он мог деться? Замерев на пару мгновений в раздумьях, я подобрала юбку и бегом кинулась к его комнате.

Я, тяжело дыша, вылетела на нужный этаж, когда лучник уже взялся за ручку двери. Испугавшись, что он там забаррикадируется, и из двойной раковины его уже точно не выкопьяешь, я его окликнула.

Кайден обернулся на мой голос резко, зло, раздраженно дернул уголком рта. И взгляд серо-стальной, тяжелый, какой-то неуловимо чужой резанул почти материально.

– Чего тебе?

Сходу ответа на этот вопрос у меня не было, поэтому я просто молча преодолела разделяющее нас расстояние, выравнивая дыхание и судорожно прокручивая в голове возможные слова. Все они казались какими-то неподходящими.

– Я просто хотела...

– В утешении не нуждаюсь, – отрезал лучник, обрывая меня на полуслове.

– ...спросить, ты в лесу тогда ничего не видел случайно? – я исправилась на полпути, но выбор темы оказался в корне неверным. Кайден сощурил глаза, и я машинально отметила, как побелели костяшки пальцев, сжимающих ремень переброшенного через плечо колчана.

– Чего вокруг да около ходить? Давай прямо – не я ли прихлопнул лесовичку? Сначала соврала, теперь задумалась? Вдруг не за того вступилась по дурости? – Он не кричал, но тембр голоса набирал обороты, становился все глубже, злее и... страшнее.

За все это время мне не раз и не два приходилось наблюдать и гасить вспышки его ярости, но вся разница сейчас заключалась в том, что направлена она была на меня. И это отчего-то выбило меня из колеи. Я растерянно молчала, а Кайден продолжал наступать – еще и в прямом смысле. Он сделал шаг вперед, прижимая меня к стене так, что показалось, сейчас придушит.

– Что ты от меня хочешь? Поклясться тебе? – помимо дикой злости в его голосе мне примерещилась еще и какая-то совершенно мальчишеская обида. – Или с поклонами в ножки упасть? Благодетельница! Спасительница! Защитница обиженных, обделенных и умалишенных!

Кулак взметнулся в воздух, и, прежде, чем я успела окончательно испугаться, врезался в стену, рядом с моей головой. Как мне показалось, аж с хрустом. А в следующее мгновение Кайден шумно выдохнул, бессильно уронил руку и ткнулся в холодный камень уже лбом. К счастью, не с целью этот камень проломить.

В коридоре воцарилась тишина.

Я чуть помедлила, прислушиваясь к ней, и к насильно выравняемому дыханию над моим плечом, а потом взяла его за руку. На ссаженной коже уже выступили многочисленные капли крови, а кисть начала наливаться ушибом, способным лишить руку дееспособности на несколько дней. Я накрыла ее ладонями с обеих сторон и начала шептать заговор. Вслух. Последнее было не обязательным, внутреннего речитатива для концентрации и направления силы тоже бы вполне хватило, но мне показалось, что тихое, мерное звучание древних слов сейчас будет явно не лишним.

– Я этого не делал.

Когда я закончила, Кайден оторвался от стены и посмотрел мне в глаза.

– Я верю.

...твердо и уверенно соврала я второй раз за день.

Идти после случившегося в лес было страшно. Да что там страшно – попросту жутко. Но мне нужны были хоть какие-то ответы. Хоть на капельку больше сведений, чем то, что мы слышали от зловещего цветка. Правда, прежде чем нырнуть в густую тень под деревьями, я долго собиралась с духом, уверяя себя, что в послании не было ни слова о том, что ученикам теперь запрещено пересекать границы Брейдена.

Ни громов, ни молний. Только зловещая тишина. Уже после нескольких шагов по шуршащему лесному покрову я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Замерла, огляделась, но никого не увидела. По спине пробежал неприятный холодок, я решительно выдохнула, сжала кулаки и зашагала уже быстрее, выбирая кратчайший путь до березовой рощи. Сверлящий взгляд в спину не покидал меня до того самого момента, как смешанная чаща расступилась перед рядом деревьев с белоснежными стволами. А я поняла, что невольно выдохнула облегченно, когда ступила во владения сильфиды.

– Так и знала, что ты придешь, – прозвучавший откуда-то сверху звонкий голос прабабки заставил вздрогнуть и подпрыгнуть на месте.

Она сидела на одной из тоненьких ветвей, подрагивающих от малейшего дуновения ветра – по сути просто висела в воздухе – прислонившись спиной к стволу. Одна нога согнута, другая покачивалась, щекоча кончиками пальцев мелкие зубчики листьев.

– Расскажи мне, что случилось.

– Была убита фейри, – Лавена произнесла это почти равнодушно, но в воздухе ощутимо запахло грозой.

– Это мы поняли. Но кто? Как? И почему вы решили, что виноваты ученики школы? Есть какие-то следы?

Сильфида вспорхнула с ветки и в мгновение ока оказалась прямо передо мной, желтые глаза вперились в мои, будто прародительница меня подозревала в убийстве.

– Ты не просто так спрашиваешь, – отчеканила она.

– Конечно, не просто так! Моего друга убили! Человека, который уж точно ни в чем не виноват. А через неделю вы собираетесь убить еще кого-то. Такого же невинного.

– Есть еще причина, – фейри отодвинулась.

– В нашей школе нет убийц, – отрезала я. – Все знают о Договоре и чтут его.

– Если бы это было так, тебя бы здесь сейчас не было, – Лавена пожала плечами. – Но ты пришла искать истину. И не для себя. Кого-то обвинили?

Я досадливо прикусила губу – иногда прародительница была откровенно невыносима, хотя бы потому, что уж чересчур проницательна. Не самое приятное ощущение, когда тебя читают, как открытую книгу.

– Моего подопечного. Кайдена.

– Хм... – задумчиво протянула сильфида, поглаживая березовый ствол. – Не исключено. Кандидатура не лучше, не хуже других.

– Расскажи, что вам известно, – снова взмолилась я. – Я не верю, что...

– Ты не хочешь верить. Это разные вещи, – хмыкнула прабабка и поманила меня в глубь рощи. – Пойдем присядем.

Мы снова устроились на камне. Только на этот раз не было слышно музыки, деревья шумели тревожно, а ветер то и дело печально вздыхал, обдавая лицо неприятно холодным дуновением.

– Убили дочь метсавайма⁷, будущую хранительницу, – помолчав, произнесла наконец Лавена, и мне показалось, что в это мгновение даже земля под ногами протяжно простонала.

Даже мне слегка не по себе сделалось. Метсаваймы – могущественные фейри, но это могущество могло и сыграть с лесовичкой злую шутку – она наверняка не ждала нападения. К тому же была еще слишком юна и неопытна. Я помнила, как лес праздновал ее рождение четыре года назад.

А еще это отметало крутившуюся в голове версию, что фейри напала сама и получила по заслугам. Хранителям леса до людей не было никакого дела, если только люди не наносили вред их хозяйству.

– Это сделал маг, – продолжала прабабка, глядя совиными глазами в пустоту. – Он забрал всю ее силу до последней капли.

– Зачем? – невольно озадачилась я. Сила фейри уж больно специфическая. Они с той, что владеют маги, как дети одного отца, рожденные разными матерями. Собственные способности за счет фейри не усилишь – двум сводным братьям родными не стать.

Лавена пожала плечами – на этот вопрос у нее ответа не было.

– Убийство замаскировали. Кусочек ее силы отправили гулять по лесу, будто это сама Сиэла, поэтому все раскрылось не сразу. Метсавайм был в ярости, когда узнал. Он хотел смести школу с лица земли, а то и до Вирша дотянуться. Но мы чтим Договор.

– А с чего вы взяли, что это именно кто-то из школы?

– Мы знаем.

– Откуда?!

Сильфида не ответила. Просто посмотрела на меня долгим немигающим взглядом. И стало ясно – в этом сомневаться не приходится.

– Но если вы знаете это, неужели не можете вычислить убийцу?

– Одно знание другому не равно. Мы, девочка моя, не всесильны.

Я замолкла, кажется, исчерпав насущные вопросы. Сказанное Лавеной совершенно ничего не прояснило, кроме того, что исключило вероятность чудовищного недоразумения. И круг подозреваемых не особенно сужало – убить юную беззаботную фейри не так уж и сложно при должной подготовке. Обмануть всех кусочком шатающейся по лесу силы – тоже. Умно, да, но не сложно. На это способны даже первокурсники. Прикусив губу, я рассматривала носки туфель, выглядывающих из-под подола, и мучительно пыталась понять – ради чего? Мотив мог прояснить хоть что-то...

– У меня тоже есть вопрос, – прервала мои размышления прародительница. – Почему ты уверена, что он невиновен?

Я сморгнула, не сразу сообразив, о ком идет речь. То, что я пришла сюда не только за истиной, но и за оправданием собственного вранья, слегка подзабылось.

– Я не уверена. Я просто не вижу причин, почему виновным должен оказаться именно он!

Бабка продолжала смотреть на меня, явно не считая это пояснение окончательным.

– Я за него вступилась сегодня и хочу знать, что сделала это не зря. Мне это душевного спокойствия прибавит. И веры в человечество!

Сильфида хмыкнула себе под нос и по-кошачьи прищулив глаза, пообещала попробовать вывести что-нибудь еще. Исключительно ради моего душевного спокойствия. И веры, конечно же.

Начало смеркаться. Я покосилась на неумолимо удлиняющиеся тени и засобиралась обратно в школу. Ночной Брейден не особенно воодушевлял меня даже в мирные времена, а уж после всего случившегося – и подавно. Хоть Лавена и заверила, что договор по-прежнему в силе, и ученикам в лесу ничего не грозит.

⁷ Метсаваймы – фейри-хранители леса. Очень могущественны, но с людьми дел не имеют. Их забота – лес и его обитатели.

Но, сделав несколько шагов прочь, я все-таки обернулась и чуть срывающимся голосом задала последний вопрос:

– Я понимаю условия Договора. И очевидно, почему вы заберете жизнь убийцы, кто бы он ни был, и какие цели ни преследовал. Но за что должны погибать невинные?

– Жизнь за жизнь. – Желтые глаза сифиды в сумерках отсвечивали, как два фонаря над главным входом в школу. – Смерть убийцы не восстановит равновесия. Каждая сторона должна понести жертву.

– Но если убийцу не найдут в течение недели? Жертв в школе станет больше.

Сифида на меня не смотрела. Она ласкала кончиками пальцев ветер, словно успокаивала испуганного детеныша, потерявшего мать. Я подождала чуть-чуть и, не дождавшись реакции, повернула к школе.

– Вы нарушили Договор, не мы. Вы виновны. И за то, что он все еще в силе, вам и платить, – прилетело мне в спину.

Больше вопросов у меня не было.

* * *

Мне не хотелось никого видеть.

Я бы не появился на занятиях на следующий день, если бы не подумал вовремя о том, что этим только укреплю всеобщие подозрения в собственной виновности. Неприятный навязчивый голосок в голове твердил, что мне на это наплевать, и пусть катятся они все куда подальше. Но разум все же взял верх.

И я бы не пошел никуда с постучавшейся ко мне после занятий Шелой, если бы не данное директору обещание. Впрочем, когда она сказала, что хочет прогуляться в лес, я вдруг понял, что сам не прочь вырваться ненадолго из замковых стен. Если уж у меня нет возможности убраться отсюда подобру-поздорову, так хоть создать иллюзию побега.

Она привела меня под старую иву на берегу заросшего ряской пруда. Мы уже бывали здесь пару раз, хорошее место. Спокойное. Самое то, чтобы, как целительница, закрыть глаза и предаваться медитативным думам. Если бы только еще медитации мне помогали.

Болела голова. Просто зверски, усиливая застарелое, устоявшееся уже желание умереть. Я прислонился спиной к древесному стволу, оперся на него затылком, и старался лишний раз не шевелиться. Шела, уже некоторое время сочувственно сопевшая рядом (и как только эта девица умудряется чутя всякий раз мое состояние?), тихонько вздохнула и встала на ноги.

На мое неопределенное шевеление – мол, куда собралась – она только дернула плечом: – Подожди!

Она придиричиво осмотрелась и потянулась к веткам ивы. Большая их часть свисала над самой водой, а те, что были над нами мерно покачивались слишком высоко. Шела поднялась на цыпочки, руки вскинула, пытаясь зацепить прозрачными пальчиками дразняще свисающие ветви. Вытянулась вверх вся, как тетива, надетая на рога тугого боевого лука. Гибкая, тонкая. Против солнца, кажется, на просвет видна. И лучи в волосах запутались.

Я испытал что-то, похожее, пожалуй, на отцовское любование и щемящую тоску. Сдохну скоро – и никогда у меня не будет такой девушки. Только девки гулящие.

Моя лекарка опустила руки, размяла затекшие мышцы, упрямым взглядом выискивая веточку поговорчивее. И вновь потянулась пальцами к зеленой кроне. Молодая грудь упруго натянула платье. Я замер – и даже головная боль заинтересованно притихла. Изогнутая спина, голова запрокинута и рот приоткрыт – так ей легче дышать, увлекшейся. Контур груди, то ли подсвеченный, то ли размытый солнцем. Организм отозвался – слушай, а может, ну его, умирать? Чего мы там не видели?

Я толкнулся и встал, не давая набрать силу неожиданному безобразию. Выше ее на голову с лишним оказался. И как раньше не замечал? Вскинул руку и сорвал ей ветку – бери, раз уж так хочется. Девушка радостно пискнула, и вцепилась в подношение – ну надо же, вот вам и целительница шестого года обучения! Я снисходительно смотрел на ее рыжую макушку, а она сосредоточенно обрывала с ветви листки, а потом вдруг протянула прутик мне:

– На, погрызи!

Видно, на моем лице так явственно отразилось сомнение в ее душевном здоровье, что Шела обиженно пихнула меня локтем в грудь, старательно пряча в глазах смешинки:

– Ивовая кора – хорошее лекарство! Поможет унять головную боль.

И уставилась выжидательно. Испытания она на мне проводит, что ли? Вот нахалка! Но упрямиться не стал – зажал в зубах палочку и, снова устроившись в корнях старой ивы, мерно грыз ее, под умиротворяющий плеск реки и шелест листвы.

Шела сегодня тихая была. Нотаций не читала, в душу не лезла, прикрываясь ненавязчивыми беседами, просто сидела, обхватив колени руками и смотрела на воду. Неподвижная вся, только пушистый кончик рыжей косы от ветра колыхался и щекотал колоски травы.

И от этого даже появлялось ощущение, что она не в качестве очередного душеспасительного сеанса меня сюда потащила, а просто так. Посидеть рядом, помолчать каждый о своем. Насколько это было близко к истине – я не имел ни малейшего представления, но думать так мне нравилось. Это давало чувство какого-то внутреннего равновесия и... нормальности.

Если бы еще она мне поверила...

Когда в наступающих сумерках мы засобирались обратно в школу, я отбросил в сторону измочаленный прутик и только тогда с некоторым удивлением отметил – голова не болела.

Глава 3

Иногда меня удивляла гибкость человеческого разума. Вроде бы, с момента показательного убийства Грейга прошла всего пара дней, а эта утрата уже начала бледнеть. Еще только вчера ночью я шмыгала тайком носом в своей постели, а сегодня утром уже бегала по школьным переходам из класса в класс, и замок мерно гудел голосами школяров и наставников. Нет, про эту смерть не забыли – но рана начала затягиваться.

Отчасти, такому отношению способствовал возраст большинства обитателей нашего славного заведения – отчаянно молодые, они всерьез не верили в собственную смертность. Но по большей части это было заслугой преподавателей, заваливших своих подопечных с головой учебой, чтобы нам некогда было предаваться хандре и раздуть панику.

Наставница Мадален в этом вопросе выделялась усердием даже на общем фоне. Целители всех восьми годов обучения падали с ног от нагрузки. Не знаю, кто как – но лично я, возвращаясь в комнату, валилась на кровать, и мечтала лишь о том, чтобы меня никто не трогал. Часов двадцать, хотя бы. Увы, мечтам моим сбыться было не суждено. На следующий день гонг будил учеников рано утром, и гнал на занятия, где заботливые преподаватели снова закапывали нас в знаниях с головой.

О том, что происходит в школе за пределами учебных классов, я узнавала от Нольвенн. Их куратор не был столь сногсшибательно заботлив, как наш, и у подружки оставалось немного времени и сил на общение.

Так, к примеру, я узнала, что, лишившись подозреваемого в лице Кайдена, общественное мнение нашло новых виновников всех наших нынешних бед. На этот раз возможными виновниками оказались демонологи, всей специальностью. Ничего удивительного, в сущности: демонология – направление очень узкое, склонность к нему встречается не слишком часто и популярностью не пользуется, даже среди магической братии. Очень уж «неаппетитная» это профессия. Никогда ее представители не ходили в общественных любимчиках.

Услышав об этом, коллегам-демонологам я посочувствовала, но с изрядной долей облегчения. Меня, все же, очень беспокоила возможность того, что случившееся попытаются поставить в вину Кайдену. Что у кого-нибудь разыграет ретивое, и жажда справедливости пересилит уважение к директорскому запрету. А что мой лучник может сотворить, загнанный в угол, я боялась себе представить.

Еще в школе стало известно, что убита была молоденькая метсавайма. Я не делилась полученными от бабки сведениями, но не была удивлена, когда эти слухи разошлись среди школяров. Глупо было бы думать, что только у одной меня есть личные связи с лесом. За время обучения они успевают появиться практически у всех. Кого-то с Брейденом связывало, как и меня, родство разной степени близости. Кого-то деловые или дружеские отношения, а кого-то и романтические.

В конце концов, парни – это всегда парни, и будь они хоть сто раз маги, но все равно будут падки на экзотическую девичью красу, а лесовички – прекрасны, все как одна. Либо умеют такими показаться. И они вовсе не прочь подарить свою благосклонность симпатичному и горячему молодому человеку. Тоже, те еще ценительницы мужской красоты.

И все же, кому могла помешать метсавайма? Или кто из школы мог додуматься совершить такое – намеренно переступить через Договор, прекрасно осознавая последствия?

Занятая этими мыслями, я привычно делала ежевечерние дела, когда в дверь постучали. Вернее – стукнули. Судя по всему, кулаком.

Я открыла дверь и ахнула. Но не от удивления, а от веса лучника, рухнувшего мне навстречу. С ловкостью, которой сама бы от себя не ожидала при иных обстоятельствах, я

успела прихватить за куртку запнувшегося о порожек Кайдена, и отступила назад. Он выровнялся и, не доверяя неверным ногам, оперся спиной о стену.

– Кайден, где ты был?! – задыхнулась от ужаса я, разглядывая его шатающуюся фигуру.

Избили? Прокляли?!

– У демонологов!

– Что вы там делали?!

Нет, некоторые подозрения у меня были, да и запах я уже опознала, только вот в голове у меня догадка не укладывалась.

– Пили! – триумфально выдало мое великовозрастное чадо.

Ну вот. Лучше бы проклинали! Ну кто? Кто в здравом уме пьет с демонологами?

– Что вы пили? – Кайден начал оседать, и я принялась его тормошить – похлопала по щекам, распустила шнуровку рубахи на шее, потом принялась с силой растирать кончики пальцев и мочки ушей, пытаюсь привести в чувство. Ну, или хотя бы удержать в сознании.

– Не знаю, но оно горело!

Ну, и что мне с ним делать? Он сейчас уснет прямо здесь, и дальше что?

Я растерянно разглядывала взрослого, сильного мужчину, наблюдавшего за мной из-под полуопущенных ресниц, и решительно не представляла, как следует поступить в этой ситуации. Нужно отметить, такое со мной случалось не часто.

Что ж, выставить его из комнаты и бросить отсыпаться в коридоре, на голых каменных плитах, мне не позволят совесть, целительское призвание и бережное отношение к собственному труду – я в этого белобрысого балбеса столько сил вложила, что просто жаль с ними так небрежно обращаться. Пожалуй, моей девичьей чести не случится особого урона, если он переночует на моей кровати.

С этой ироничной мыслью, я подступилась к подопечному:

– Кайден... Пойдем, я тебя в постельку уложу. – Я поднырнула под его руку, пристроила ее себе на плечи, сама ухватила его свисающую кисть одной рукой и обняла за талию другой, придерживая и страхуя. Мысленно вознесла благодарность спецпрактикуму для целителей, где нас учили и не такому. Ну, великая Бригита, не оставь в трудный час дочь свою!

Толкнула плечом в подмышку, рывком тронула с места, перехватила поудобнее и уже совсем собралась вести свою добычу к месту употребления по назначению, хе-хе, как неведомая сила крунула меня на месте и припечатала к стене.

Светло-серые глаза, с более темной окаемкой смотрели на меня в упор. Кайдену пришлось наклониться для этого, но сейчас мы были на одном уровне. Глаза в глаза.

– Я. Её. Не убивал.

– Тише, тише! Т-ш-ш-ш! – я положила руку ему на предплечье, осторожно погладила.

Он дернул головой, потом локтем, скидывая не столько мою ладонь, сколько попытку его успокоить. Пьяное тело качнулось, чуть не повело хозяина в сторону, и он вынужден был разжать железные пальцы, впившиеся в мои плечи, опереться ладонью на стену над моей головой.

Как ни странно, но страшно мне в этот раз не было. Было немножко смешно, немножко интересно, что он мне скажет, пока ядреная выпивка демонологов развязала ему язык. А еще – было странно тепло. И душе – оттого что он пришел именно ко мне доказывать свою невиновность – и телу. От лучника тянуло жаром. Приятно, но непривычно... Я смутилась этих своих мыслей, и порадовалась, когда он продолжил:

– Я знаю, ты мне не веришь. Ты притворилась, а сама... Только я. Её. Не убивал. Понятно тебе?

Он склонился ко мне еще ближе, и мы стояли теперь нос к носу, почти уткнувшись друг в друга. Я не утерпела. Подняла вторую руку, погладила его по голове, мимоходом взворошив льняное богатство.

– Понятно, понятно, – и сама удивилась, насколько ласково прозвучали эти слова. – Идем спать?

Тяжелая голова упрямо мотнулась под моей ладонью:

– Ты мне веришь?

И я отозвалась:

– Верю...

В этот раз, кажется, не врала...

Кайден уткнулся лбом в мой лоб, и успокоено затих. А я наконец сумела перехватить лучника, пострадавшего в бою с самопальным пойлом демонологов, и отвести его к узенькой койке, пять с лишним лет служившей мне постелью.

Он послушно улегся и моментально провалился в сон – и я только тогда сообразила, что поторопилась. Прежде чем укладывать здорового мужика в постель, нужно было заставить его раздеться. Во-первых, я бы с удовольствием посмотрела, а во-вторых, теперь мне придется самой как-то раздевать лежащее тело.

Ладно. Пойдем от простого к сложному.

Сапоги поддались легко, и я радостно бросила их на пол, с некоторым изумлением изучив вывалившийся из левого голенища кинжал. Хотела подобрать и сунуть обратно, но передумала – кто его знает, что эти агрессивные и мнительные боевики могут навесить на оружие? Особенно мой, контуженый. Оставила лежать на полу, только тем же самым сапогом под кровать запихнула – чтобы не наступить случайно.

Кстати, а почему Кайден кинжал в левом сапоге держит, он же правша? Я с интересом оглядела растянувшееся на моей кровати тело.

– Так ты у нас обоюрукый, что ли? – я улыбнулась, а Кайден промолчал. Сон держал его крепко.

Снять куртку было уже сложнее, но, повозившись, я справилась, и повесив ее на гвоздик в углу, перешла к самому интересному. К рубашке.

Распустила завязки на запястьях, шнуровку на шее, и так ослабленную мною при попытке расспросить Кайдена, и призадумалась. Как бы мне так изловчиться, и стянуть с него рубаху?

– Знаешь, ты мог бы мне помочь! – укоризненно сообщила я спящему подопечному и принялась за дело.

Само собой, Нольвенн именно этот момент выбрала, чтобы вернуться домой. Любой другой момент был бы недостоин Нольвенн!

– О! Разврат? – радостно и плотоядно воскликнула магичка.

– Да! Не видишь, я тут разнузданной страсти предаюсь! С бесчувственным телом, – пропыхла я, стоя одним коленом на кровати и пытаюсь протянуть еще чуть-чуть вверх задранную на лучнике рубаху. Дело продвинулось до лопаток, и намертво застопорилось.

– Странный выбор, подружка! – продолжала глумиться Нольвенн.

– А когда они в сознании, я стесняюсь! – с непередаваемым сарказмом отозвалась я и с силой дернула ткань. Она опасно затрещала, но не поддалась.

Нет, ну надо же было намахать такие плечи!

Я свирепо взглянула на Кайдена. Ну, почему он не разделся сам?! Я устала, я взмылилась, и мне откровенно неловко оттого, что рядом находится его голый живот, расчерченный гладкими сильными мышцами.

Нет, хватит с меня, оставлю в рубахе – пусть спит как есть! Я попыталась стянуть ее назад, к штанам – и чуть не взвыла от досады. Ткань скрутилась в плотный жгут, и теперь расправить ее, придавленную к постели спиной лучника, не представлялось возможным.

Нольвенн, застывшая посреди комнаты, с азартом наблюдала за неравной битвой, но помогать и не думала. Только с советами лезла:

– Да срежь ты ее!

Я с сомнением посмотрела на рубашку:

– Жалко! Хорошая же, почти новая. И с вышивкой вон...

Нет, будь Кайден ранен – я бы ничуть не сомневалась, но портить целую вещь, только потому, что кое-кто напился?! Против этого протестовала вся моя натура. Лучше я сейчас попробую его приподнять...

– Нольвенн, помоги! – не выдержала я.

– Нет уж! – яростно замотала головой подруга, и я призадумалась, а подруга ли она?

– Нет-нет-нет, и не проси! Это твоя оргия, не моя! – и с этими словами она демонстративно уселась на свою кровать, явно приготовившись наслаждаться зрелищем дальше.

– Вот верно в народе говорят: «Не имей сто друзей, а имей сотню слуг!», – обиженно буркнула я, и попыталась обхватить Кайдена за плечи, чтобы приподнять. Не-а, никак. Вялое тело вываливалось из рук.

– Кажется, в народе говорят как-то не так! – захихикала магичка, достала из сумки яблоко и с хрустом в него вгрызлась.

– Ну, так у них, наверное, и подруги не такие! – огрызнулась я.

Мне немедленно тоже захотелось яблока. Кисловатого, твердого, сочного. Рот наполнился слюной. Я сдула выбившуюся из косы прядку, прилипшую к носу, и укоризненно взглянула на Нольвенн. Та лишь насмешливо приподняла черные брови. Учись, мол, целительница. Познавай, как горек твой хлеб.

Я возмущенно фыркнула и вернулась вниманием к Кайдену. В шнуровке на груди виднеется шнурок с кругляшом какого-то амулета, из сильных, но не сложных, рубаха задрана почти до самых подмышек. Хорош!

Какой-то он все же неподъемный, на практикуме по целительству «условно раненые» из числа проштрафившихся школяров все же полегче были. Хотя они и не такие здоровенные. А этот вымахал!

Я снова попыталась приподнять Кайдена за плечи, и в этот раз даже кое-чего добились. Правда, не того, на что рассчитывала – потому что лучник, не просыпаясь, дернул меня за руку, повалил на себя, и обеими руками обхватил сверху, как будто стальными обручами сковал. Я ошпаренной кошкой рванулась из этих объятий, и он разжал руки, выпустил.

В противоположном углу комнаты, повалившись на кровать, давилась хохотом Нольвенн. Метнув в нее испепеляющий взгляд, я опасливо изучила своего подопечного с надежного расстояния.

Нольвенн, откашлявшись от яблока (выходит, не только хохотом она давилась!) соскользнула со своей постели, то и дело принимаясь снова хихикать, изъявила готовность помочь.

– Я за подмышки приподниму, а ты рубашку одернешь! – скомандовала магичка, заходя к Кайдену в изголовье.

– Ага, а почему это я, а не ты? – трусливо пискнула я, и Нольвенн снова расхохоталась.

– Уж больно он у тебя рукастый! И хваткий. И вообще, твой пациент – тебе на острие атаки и вставать!

Я с грустью констатировала, что пациент действительно мой, и, чувствуя себя приговоренной к смерти через удушение в объятиях, приблизилась к Кайдену.

В этот раз операция прошла без сучка, без задоринки, рубашка, не придавливаемая больше лопатками лучника, послушно одернулась, и я смогла выдохнуть с облегчением.

Спать буду с Нольвенн, твердо подумала я, сидя рядом с подругой на ее кровати и отбирая у нее изрядно покусанное яблоко.

Так и порешили.

– Давай его разрисуем! – шепнула мне на ухо магичка, когда мы уже улеглись.

– Нольвенн, нам же не по шесть лет! – возмутилась я. И подумав, добавила: – Да и нечем, – напрочь смазав этим все впечатление от предыдущего заявления.

И еще долго, устроившись в обнимку на узкой койке, мы шептались и пихались локтями, как в далеком-далеком детстве могли бы возиться с сестрами, которых ни у нее, ни у меня не было.

* * *

Я проснулся от едкого запаха дыма. Вдохнул – и закашлялся, не находя в себе сил сделать повторный вдох. Кашель душил, скручивал легкие, я скатился с кровати на пол, вспомнив о том, что чем ниже, тем легче дышать, и обжег ладони о раскаленный камень.

Школа горела.

Языки пламени карабкались по стенам, облизывали окна, в мгновение ока пожирали мебель, превращая ее в обугленные головешки. Магическое пламя, поглощающее массивные стены из толстого серого булыжника так же легко, как и деревянную мебель.

Глаза нещадно слезились, кожа, казалось, лопалась от жара, а в ушах стучала кровь, перебивая рев пламени, но я упрямо пополз к окну. В голове настойчиво билось желание жить и осознание, что выбраться через дверь я уже не успею. Третий этаж – на смерть не разобьюсь, а сломанные ноги – куда лучшая участь, чем быть сожженным заживо.

Тем не менее, когда я, пошатываясь, поднялся, оперся на подоконник, не обращая внимания на языки огня, укусами касающиеся рук и лица, земля показалась чрезмерно далекой, будто я стоял на вершине огромной скалы.

Да защитит меня Эзус!

Я даже не спрыгнул – скорее вывалился из окна, почти теряя сознание от забившего все, до самого горла, дыма. И оттого приземлился не на ноги, а на спину, только чудом не сломав позвоночник. Вскинул глаза на пылающую громаду школы и обомлел – на ее месте полыхал Зубастый Замок.

В момент осознания этого дикого, противоестественного факта голова взорвалась оглушительным шепотом. Он ввинчивался в мозг, причиняя невыносимую боль. Я катался по траве, зажав уши и орал, срывая голос, но не мог перекрычать, заглушить этот шепот, как раньше. Он утягивал за собой... а над головой раздался страшный треск, и я понял, что еще несколько мгновений – и меня погребет под горящими развалинами. Навсегда.

– Кайден... Кайден... Кайден... – шепот вдруг переплавился в звенящий беспокойством голос. Чистый, звонкий, обрушившийся на замок ледяным водопадом. Я вздрогнул, когда искрящаяся волна докатилась и до меня, скрывая с головой...

И проснулся.

Первым, что я увидел, когда открыл глаза, была Шела.

Целительница сидела на краю кровати и старательно меня тормошила. Плечи с силой, неожиданной для такой хрупкой на вид девицы, тряхнуло еще пару раз, прежде чем она заметила, что ее старания таки увенчались успехом.

Девушка замерла, не убирая рук и озабоченно вглядываясь в мое лицо. А я, мучительно преодолевая головную боль, слабость и тошноту пытался понять – какого беса она забыла в моей комнате?

Взгляд скользнул с ярче проступивших в лунном свете веснушек по потолку, стене и неожиданно напоролся на еще одну девицу. Подружку, Нольвенн. Она сидела на кровати, завернувшись в одеяло и смотрела на меня широко распахнутыми глазами, будто видела впервые.

Так. Какого беса я забыл в их комнате?

– Кайден? Ты в порядке? – Шела переключила мое внимание обратно на себя.

Мысли в голове путались, метались, бились друг о друга и разлетались звенящими осколками. Я понимал, что меня все еще слегка потряхивает и не верил, что в очередной раз обошлось – настолько неминуемым все в этот раз казалось.

Я кивнул, садясь и скидывая тем самым ладони лекарки, в глубине души прекрасно понимая – до в порядке мне, как до края света пешком, и она это отчетливо видела и чувствовала.

Молча поднявшись, я нашарил на полу сапоги, натянул их и, пошатываясь, направился к двери, провожаемый двумя удивленно-обеспокоенными взглядами. И даже сделал несколько шагов по коридору, уже почти возблагодарив богов за то, что никто меня не удерживал и ни о чем прямо сейчас не расспрашивал, и тут в спину мне прилетел оклик.

Нехотя обернувшись, я увидел, как Шела прикрывает за собой дверь комнаты и нагоняет меня, как была – с взлохмаченными распущенными волосами, в длинной рубаше, неслышно ступая босыми ногами по холодному каменному полу.

– Ты куда?

По коридору промчался ночной ветерок, ворвавшийся в окна, и лекарка зябко обхватила себя руками за плечи.

– К себе.

– Тебя проводить?

Предложение вызвало у меня нервный смешок. Я смерил ее взглядом с растрепанной рыжей макушки до поджатых от холода пальцев ног, и Шела торопливо, но при этом очень воинственно исправилась:

– Только туфли надену – и провожу!

– Не надо.

– Но мне не сложно! И потом, я могу...

– Не надо, – повторно отрезал я, отворачиваясь – прямо сейчас на нее смотреть было почему-то просто невыносимо. – Возвращайся в кровать. Извини, что разбудил.

– Тебе часто снятся кошмары?

Вопрос я оставил без ответа, вместо этого просто зашагав прочь – от целительницы, ее беспокойства и ввинчивающегося в душу карего взгляда.

События прошедшего вечера и ночи постепенно восстанавливались в памяти.

С демонологами мы совершенно внезапно сошлись на почве всеобщей подозрительности. Их кто-то обвинил, я, вспомнив, как еще недавно так же безосновательно тыкали в меня, вспылил и прояснил людям, что они в корне неправы, и все закончилось приглашением присоединиться к пьянке.

Вообще-то пить мне было нельзя. Категорически. И уж тем более столько. Но отчаянные ребята в черных балахонах заверили меня, что у них тут через одного проблемы с контролем сил – как собственных, так и тех, с кем по воле судьбы приходится работать, и торжественно вручили испещренную рунами цапку. В течение первого часа я еще не особенно верил в то, что она работает, но, чем больше прислушивался к себе, тем больше понимал – не обманули. В голове было легко, как никогда за последний год. И в итоге я с упоением окупился в веселую школярскую попойку...

Убедившись, что никакие озабоченные целительницы меня не нагоняют, я остановился и потянул за висящий на шее шнурок. Амулет, которого, по заверениям демонологов, им хватало на полгода, у меня выгорел напрочь за несколько часов, вместе со своей защитой снеся почти под корень еще и мою собственную, что едва меня не угробило. И не только меня.

Если бы Шела меня не разбудила... каким только ветром меня к ней-то занесло?

«Верю...». И тонкие пальцы, успокаивающе взъерошившие волосы.

Надо же, от идиотских пьяных порывов, оказывается, тоже бывает польза. Как отключился, я уже не помнил, но это, пожалуй, особого значения и не имело.

В висок стукнула, напоминая о себе, боль, и мысли снова вильнули в привычное мрачное русло. Внезапно всколыхнувшаяся надежда на то, что не все потеряно, и есть шанс зажить нормальной жизнью, была растоптана еще более жестоко, чем предыдущие. Судьба старательно тыкала меня лицом в безрадостную действительность, с каждым разом вкладывая в удар все больше силы. И я не был до конца уверен, насколько меня еще хватит это терпеть.

* * *

То, что Кайдену снятся кошмары, меня не особенно удивило. На фоне всех его проблем, помноженных на обширный военный опыт, было бы куда страннее, если бы они ему никогда не снились. Но вот то, что он отказался отвечать на вопрос, как часто...

Да и разбудившие нас с Нольвенн крики были слишком уж душераздирающими. Правда, не исключено, что и ядреная выпивка демонологов сыграла в этом свою коварную роль.

В общем, в копилку кайденовских удручающих симптомов добавился еще один, правда, что с ним делать я пока не знала. Вряд ли мне удастся уговорить его каждый вечер пить на ночь чай с медом, липой и ромашкой. Впрочем, в его случае – это вряд ли и поможет. Кошмары – следствие, а не причина.

Примерно так я рассуждала, поднимаясь после занятий в кабинет к вызвавшему меня директору Паскветэну.

– У меня есть поручение для вас с Кайденом, – с порога сообщил он мне.

Директор выглядел усталым и крайне озабоченным. Еще бы. До следующего выходного оставалось три дня. Время утекало сквозь пальцы, а убийца так и не был найден. И похоже, у учителей не было даже ни малейших зацепок на этот счет.

– Завтра нужно подняться вверх по реке, к фо-а⁸. Ты знаешь, что школа закупает у них речной жемчуг для алхимиков, водоросли для целителей, и рыбы кости для рунников. Завтра – срок очередного обмена. Раз Договор еще в силе, они наверняка будут ждать. Ты упоминала, что Кайден с удовольствием ходит в лес – будет лишний повод.

– Хорошо, директор Паскветэн, – только и кивнула я, а что тут еще скажешь? В одном он прав, с занятий мой подопечный сбежит с большим удовольствием.

– Как продвигаются дела?

Вопрос был будничным. С отчетом я была не так давно, но, очевидно, раз уж я все равно стою в кабинете, то стоит поинтересоваться нет ли новостей.

– Он вчера с демонологами напился, – несколько смущенно признала я, и в выцветших стариковских глазах тут же сверкнуло нешуточное беспокойство, а потому я тут же добавила: – Но ведь это хороший знак? Что он с другими школярами сходится?

– Шела-Шела, – директор покачал головой. – Еще не хватало, чтобы он у нас в беспорядное пьянство впал, в его-то состоянии. Постарайся ты его держать подальше от демонологов с их сомнительными алхимическими экспериментами.

Я бы поинтересовалась ворчливо, как именно я должна удерживать от чего-либо и кого-либо этого лба упрямого и здорового, но вынуждена была признать, что доля истины в словах директора все же была. Выпивка с отчаянием дружит крепко, как бы и впрямь не сорвался...

Мне самой тоже хотелось задать директору Паскветэну вопрос – что там с убитой метсавимой? Как планируют искать убийцу? И что будет со школой, если его так и не найдут?

Но смелости не хватило. Я пообещала выполнить задание завтра в лучшем виде и отправилась на поиски лучника, чтобы сообщить ему радостное известие – учеба отменяется.

⁸ Водные духи, зачастую довольно злобные

Кайден нашелся во внутреннем дворе, на скамье под стеной, увитой плющом. И во всей его позе, во всей фигуре застыло отчаяние. Я молча села рядом и откинулась на оплетшие стену побеги, затылком прижалась к нагретой ласковым солнцем опоре. Прикрыла глаза.

Прислушавшись к чужому дыханию, к биению чужого сердца, постаралась выровнять свое дыхание – с его дыханием, и свой пульс – с пульсом Кайдена. И, когда ощутила, что мои ритмы пришли в согласие с его, попробовала расслабиться. Почувствовать всей кожей, всем телом, как хорошо, как тепло мне здесь и сейчас. Как согревают меня, касаясь, солнечные лучи. Как легкий ветер шевелит мои волосы, принося с собой далекие ароматы летнего леса. А когда тепло и покой пропитали меня полностью, осторожно, по одному, расслабила пальцы правой руки, что судорожно вцепились в дерево скамьи. Чуть переменила положение тела, отпуская напряжение. Прислушалась к себе – и одновременно к своему соседу. Дыхание выровнялось. Глубокое, спокойное. Пульс ровный.

Ну, не молодец ли я? Ай да умница, ай да великий целитель!

Голос Кайдена проник в мои мысленные самолюбования:

– Больше так не делай.

Я улыбнулась:

– Хорошо.

Он перекатил затылок в мою сторону, посмотрел насмешливо сверху вниз:

– Ну, и чему ты улыбаешься?

Я прижалась виском к теплой опоре, и отозвалась:

– Да вот, удружил мне директор Паскветэн. Подсунул пациента – мало того, что мнительный, драчливый, неуживчивый, целителей не любит, лечиться не хочет, так еще и чувствительность обостренная!

Он хмыкнул в ответ. Как мне показалось – очень самодовольно.

Выговаривать вот так Кайдену, расслабленно сидя рядом и глядя на него снизу-вверх, было одно удовольствие – он хоть и щурился ехидно, но не отпирался и не огрызался.

Да и вообще – чего бы мне не улыбаться? Хоть мою хитрость и заметили, а все же, свое дело она сделала. Из взгляда Кайдена ушла беспросветная тоска, помягчели закаменевшие плечи и расслабились судорожно сжатые челюсти. Разошлись брови. Сквозь меня, сквозь мою податливую целительскую сущность, уходила в землю чужая боль. А что пациент недоволен – ничего. Меня не радовать его приставили, а лечить.

За прошедшие недели Кайден отъелся, отоспался, и теперь внешне ничто не напоминало о случившейся с ним беде. Я рассматривала его, и отмечала произошедшие со времени его появления в школе перемены. Ну, и просто любовалась – чего скрывать. Хорош, все же. Красив грубоватой мужской красотой. И недаром в прошлые выходные две магички с теоретического подрались в умывальне, выясняя, которая в этот раз пойдет с ним в пару на полигон работать.

Мои губы снова против чуть дрогнули в улыбке – в итоге, в пару с лучником поставили Невена, брата моей соседки и подруги.

Кайден уперся в меня подозрительным взглядом. Я заулыбалась шире – недоверчивый какой! Не верит, что я больше не стану тайком его настроение перехватывать. Зря это он. Раз обещала, что не буду – значит, не буду.

...мало, что ли, у целителей других уловок?

Все же зря я тревожилась о том, как он приживется в школе. Даже несмотря на эту волну обвинений. Она как нахлынула с паникой, так и утихла быстро, когда я за него вступилась. С демонологами вон замирился, и пусть дружбы особой у него ни с кем из мужской части школяров не сложилось, но относились к нему с уважением. Хоть и с осторожностью, как к мандрагоре, которую опасались трогать даже некоторые опытные травники, услышишь стон покидающего землю корня – и смерть неминуема... Девушки же умирали от восторга. Еще бы!

В нашей школе хоть и не было установлено единого возраста обучения, но столь взрослых учеников было не так уж и много. Как правило, дар открывался все же раньше – а те, в ком сила проснулась уже в зрелом возрасте, далеко не всегда желали оставить налаженную жизнь, привычное ремесло, дающее надежный кусок хлеба, и идти в школу магов учиться невесть чему. Так что, если проявившаяся магия не доставляла хлопот, то на нее обычно махали рукой. Вот так и выходило, что учили наши наставники в основном молодежь и вовсе детвору. Нашим девицам, особенно теоретичкам и целительницам, которые дольше всех профессией овладевают, с ними скучно. А тут – такой красавец! И неженат, и в самом брачном возрасте. Да какой лихой! А то, что новенький оставался безразличен к стараниям прелестниц, их еще больше раззадоривало.

Да и не только удаль, мужская стать и равнодушие к женским чарам заставляла трепетать девичьи сердца. Наблюдательный, ловкий, привычный к нагрузкам, Кайден легко нагнал отставание в обучении в две недели, и теперь шел вровень с прочими школярами. Мог бы и получше многих учиться, я чувствовала, да это вообще заметно было всем, кто дал бы себе труд присмотреться – но не хотел. Он делал ровно столько, сколько требовалось, чтобы от него отстали. Оставили в покое. Не трогали. И это тоже меня беспокоило.

Сколько бы я не смотрела – все не могла понять, что он делает со страстью, от души, а не только, потому что «так надо». Разве что дерется вот. Ну, и из лука стреляет.

В ученицы к нему напроситься, что ли?

Я вздохнула, и уточнила у Кайдена:

– Голова болит?

Он согласно прикрыл глаза, ресницы дрогнули чуть ощутимо. Я вздохнула:

– И молчит! Рядом полный факультет целителей, а он молчит, ну, вы такое видели?! Разворачивайся, давай!

Не переставая ворчать, я заставила его сесть ко мне спиной, сама пристроилась рядом и притихла, пристроив по два пальца ему на виски с обеих сторон. Расслабилась, отпустила все переживания и ощущения, кроме тех, что испытывала здесь и сейчас. Сосредоточила внимание на кончиках пальцев, там, где они касались теплой гладкой кожи. Сплела нужное заклинание и позволила ему протечь сквозь меня в чужое тепло. Место, где мои пальцы касались его кожи нагрелось, стало ощутимо горячеватым. Я посидела еще немного, прислушиваясь к состоянию пациента и проверяя свою работу.

Все хорошо, можно отпускать.

Разорвала контакт, и с удивлением ощутила, что за время работы руки успели затечь.

– Знаешь, с твоей стороны было бы мило быть чуть пониже ростом! – сообщила я лучнику, демонстративно разминая плечи и предплечья.

Кайден ошеломленно развернулся ко мне.

О, это глубокое мужское негодование, читаемое даже в развороте широких плеч! О, это непередаваемое выражение лица! Никогда не устану им любоваться.

Заодно и от тоски-печали отвлеку. Но высказать все, что имелось у лучника сказать по этому поводу я ему не дала. Ну, не хочется мне про себя глупости слушать.

– Директор предложил нам с тобой завтра прокатиться по реке до общины фо-а, – сообщила я до того, как он успел раскрыть рот, и в двух словах пересказала, зачем именно нам туда надо. – Поедешь?

Лучник кивнул, не переставая разглядывать меня как какую-то диковинку.

– Не болит больше? – заботливо уточнила я, разглядывая его в ответ.

Кайден прислушался к своим ощущениям, и покачал головой, не найдя даже отголосков боли.

– Ты особо не радуйся, это просто обезболивание, оно не лечит болезнь, а лишь убирает ее симптомы, к тому же довольно сильное, и часто им пользоваться нельзя! – серьезно предупредила я, и без перехода спросила, – Расскажешь мне о своих кошмарах?

Глаза боевика опасно сощурились, ноздри дрогнули, и я улыбнулась, соскакивая с лавочки и оправляя юбку платья:

– Имей ввиду, поездка на весь день, так ты поесть с собой возьми!

И, не дожидаясь пока окончательно сбитый с толку боевик придет в себя, ускользнула в двери, ведущие в девичье крыло, а Кайден так и остался сидеть на скамье, осмысливая изменение своих планов на завтра и мою неповторимую и подкупающую манеру общаться.

И уже подымаясь по лестнице на свой этаж, спохватилась, что не попросила Кайдена научить меня стрелять из лука.

Ну и ладно, будет еще время, а на сегодня ему и без того потрясений достаточно!

Погода стояла прекрасная. Месяц остролиста продолжал радовать нас всех ясным небом, легким ветерком, яркой листвой, играющей с солнечными лучами. Жемчужная – одна из рек Брейдена – топорщилась от этого ветра мелкой рябью и сияла, как рыба чешуя. Мерный плеск весел негромко стелился над водной гладью, а я, прищурившись, любовалась драгоценным блеском срывающихся капель... да, чего греха таить, украдкой еще и тем, как вздувались мышцы на руках Кайдена. По случаю теплой погоды рубашку он закатал много выше локтя, и взгляд нет-нет да и цеплялся за приятное женскому глазу зрелище. А чтобы лучник, не дай боги, не заметил моего праздного наблюдения, я, сидя на корме лодки, старательно его пону... подбадривала!

– И-и раз! И-и два! И еще немножечко, еще чуть-чуть!

– Я сейчас тебя на весла посажу! – Кайден сверкнул на меня снова ярко-голубыми глазами.

– Меня нельзя, – резонно возразила я. – Во-первых, я грести не умею, а во-вторых, мы бы тогда поплыли вниз по течению, а не вверх. И вся твоя работа насмарку!

– Зато какое моральное удовлетворение, – буркнул лучник себе под нос.

– От издевательств над беззащитной девушкой?!

– Где ты в этих местах найдешь хоть одну беззащитную?! Да, кстати, если верить нашим северянским байкам, то и с девушками тут тоже негусто...

– Что за байки такие? – встрепенулась я, пропустив мимо ушей сомнительный комплимент.

– Да так...

– Ну расскажи!

– У нас поговаривают, что возле Брейдена живут только ходячие мертвецы, да бабы-полуфейри с коровьими хвостами. На мертвеца ты не особенно похожа, так что... – Кайден с интересом присмотрелся к складкам платья, разложенным на скамье.

Я резко нагнулась и, от души зачерпнув пригоршню прохладной речной воды, плеснула ему в лицо. Кайден расфырчался, замотал головой, как взбрыкнувший конь, но выглядел при этом страшно довольным.

Вообще он сегодня с самого утра был в непривычно приподнятом настроении. То ли теплая погода, наконец, чуть растопила холодную северянскую душу, то ли его так порадовала возможность вырваться из замковых стен на целый день, то ли эффект от моего вчерашнего вечернего вмешательства еще не до конца выветрился. А может просто, сам того не заметив, он привык к моему присутствию и перестал расценивать малейшую фразу как попытку вывести на откровенность, а потому не сжимался чуть что в ошетилившийся иголками клубок.

Таким моментом точно надо пользоваться!

– Кайден.

Лучник настороженно зыркнул исподлобья. Тяжелый жизненный опыт уже приучил его к простой истине: чем ласковее мой голос, тем большую гадость я приготовила.

А сейчас я говорила о-о-очень ласково.

– Кайден, а расскажи мне о своих кошмарах!

Да, подлый прием – но что делать? В любом другом случае он от этого разговора сбежит, в самом прямом смысле, а вот с лодки никуда не денется.

– Шела. Отстань!

Я насторожилась – голос лучника был столь же ласков, как и мой собственный. А взгляд – еще ласковее.

Не теряя надежды добиться-таки своего, я залилась сладкоголосым соловьем:

– Ну, Кайден, ну в этом же нет ничего такого уж страшного, и мне просто нужно знать, что тревожит твою душу, чтобы лучше тебе помочь, и...

– Шела. Утоплю!

Я одарила его возмущенным взглядом и снова плеснула водой, на этот раз еще и побольше.

Вместо того, чтобы опять смешно расфырчаться, лучник рывком выдернул весла, уложил их поперек лодки и приподнялся в мою сторону с явно угрожающим намерением. Да все это так стремительно, что я от неожиданности перепугалась и среагировала еще раньше, чем что-либо произошло. Небольшой сгусток чистой энергии, который должен был просто отбросить Кайдена обратно на его место, как бы говоря, что отдельно взятые целительницы крайне против утопления, лишил лучника и без того шаткого равновесия. Он взмахнул руками, опрокинулся назад и с громким плеском ушел под воду, щедро окатив оной лодку.

Я ойкнула и перевесилась через борт, опасно накренив, закачавшееся на волнах судно. Прошла секунда, другая, а мокрая голова злющего, как демон, Кайдена, угрожающая мне немедленным утоплением через повешение и четвертование, из воды все не появлялась.

Бригита всемогущая! А вдруг он плавать не умеет?! Да брось, Шела, какой наемник не умеет плавать? А вдруг вот этот конкретный не умеет?! Кто их знает, этих северян, может, они там вообще не плавают! Утопнет, и что я директору скажу? Избавила пациента от отчаяния кардинально и навсегда?

И только я уже собралась воззвать к водяничкам, чтобы вернули мне подотчетного лучника желательно хотя бы не совсем захлебнувшимся (а дальше я уж сама откачаю!), как водная гладь вздыбилась бугром. Кайден вынырнул стремительно, одной рукой уцепился за лодку, другой за меня, я успела увидеть, как коварно сверкнули серые глаза, а в следующее мгновение с громким визгом плюхнулась в речку.

...когда спустя некоторое время мы оба, мокрые – хоть выжимай, тяжело дышащие, с водорослями в волосах и за воротом, выбрались на берег, захлебываясь то кашлем, то смехом, то взаимными обвинениями, выяснилось, что дурачество обернулось серьезными потерями. Мы остались без лодки с товаром для фо-а, которая, избавившись от пассажиров, благополучно уплыла обратно, я лишилась обеих туфель, а Кайден одного сапога.

– Дурак! – вынесла вердикт я, выпутывая из распутившейся косы – неплотно завязанная лента в воде тоже сползла – кусок цепляющихся за волосы склизких водорослей.

– Я?! Ты первая начала! – Кайден стащил рубашку через голову и принялся ее отжимать.

– Я-то случайно!

– Случайно сбросила меня с лодки магией?

– Ты меня напугал!

– Я хотел передохнуть и спину размять!

Мы возмущенно уставились друг на друга и оба, почти сразу же отвели взгляд, чтобы вконец не расхохотаться. Хотя Кайден веселился, возможно, еще и по другой причине. Видок

у меня, должно быть! Платье мокрое, тяжелое, к ногам липнет, волосы сосульками висят, с носа из-за них капает...

– Давай я тебя высушу, что ли, – «смилоствовался» начинающий боевой маг, встряхнув отжатую рубашку. Та взлетела еще влажной, а вот опустилась уже сухой.

Не дожидаясь моего ответа, он сделал какой-то пасс в мою сторону... и спустя мгновения я поняла, что явно неприличный! Потому что от разом погорячевшей одежды повалил густой пар, и я буквально ощутила, как встают дыбом распушившиеся беличьим хвостом волосы.

Лучник такого умопомрачительного эффекта и сам, очевидно, не ожидал, потому что сначала изумленно сморгнул, и только потом торопливо нырнул в ворот рубашки, пряча в ней неукротимый смех.

Мне ужасно захотелось его чем-нибудь стукнуть. Да побольнее! А потом лечить самыми противными и вонючими лекарствами и самыми болезненными методами! Долго! И медленно! Злорадно убеждая, что так и надо!

Что-то, наверное, отразилось в моем взгляде, потому что Кайден вдруг отступил, явно вознамерившись куда-то слиться.

– Ты куда?

– За лодкой. Течение медленное, может, еще успею нагнать.

– Не надо. – Я со вздохом решила, что сейчас силовой перевес, к сожалению, на стороне лучника (ничего, я терпеливо подожду, пока его кто другой покалечит, чтобы лечить!), а поэтому отодвинула планы мести. – Сейчас вернем...

Подойдя к реке, я опустилась на колени и коснулась раскрытой ладонью водной глади.

Погладила, пошептала с волнами немного...

Лодка появилась минут через пять. Плыла себе, мерно покачиваясь, вверх по течению, и никаких гребцов в ней не было. Поравнялась с нами, и вильнув бортами, повернулась носом к берегу. Тут-то и стало видно, что поднималась вверх по течению она вовсе не сама по себе, а побуждала ее к тому плывущая рядом девушка. Из воды виднелись лишь голова и плечи, но с первого взгляда было видно – девушка невысокая, хорошенькая и очень молоденькая. Хрупкая и беззащитная.

Ах, как обманчив первый взгляд... Нет, таки прав был Кайден – беззащитных девушек здесь днем с огнем не найти.

Дэноэла, при всей ее видимой нежности и хрупкости, тяжелую двухместную лодку, на совесть груженую товаром, гнала без особых трудностей. Просто придерживая ладонью за борт.

Волосы водяницы, в отличии от моих, красивыми влажными прядями лежали на равномерно белых плечах и на высокой (совсем не рыбьей) груди. Крупные чешуи, влажно блестящие подводным серебром на ключицах и чешуйки помельче, на скулах до висков, подчеркивали нечеловеческую природу красавицы. Дивно хороша!

Если не знать, во что это прекрасное тело превращается под водой.

Дэноэла придерживала лодку за пузатый бок, дождалась, пока я понадежнее ухвачусь за борт, и перехвачу веревку.

– Может быть, вам все же помочь? – уточнила она, продолжая утренний разговор – я тогда сразу предупредила, что в этот раз к общине фо-а мы доберемся сами, и помощь русалок нам не понадобится.

Голос журчал ручьями, пел каплей. А вот когда я одна была, он звучал почти обычно, почти по-человечески. Я чуть покачала головой – вот ведь, вертихвостки. И не важно, есть у них хвост, или нет, водные они или воздушные!

– Спасибо, мы сами! – непреклонно отказалась я от щедрого предложения русалки.

– "Мы"?! – сдавленно протянул-прошипел у меня за спиной Кайден.

Я сдержала улыбку и шагнула с берега в лодку, осторожно придерживая юбку платья. От стремительной сушки ткань загубела, стала неприятной. Да и подседа, кажется – по крайней

мере, в груди определенно стало теснее. Что там у меня с волосами, мне и представлять пока было страшно – с моими прекрасными, любимыми, ухоженными волосами!

Нет уж. Никакой помощи – грести будет сам!

И я ни за что не признаюсь, что в таких случаях попросить русалок о помощи самое обычное дело, так делали все школяры, расплачиваясь какой-нибудь ерундой – яркой лентой, нарядным гребнем или каким-нибудь зельем из тех, что в реке не добудешь, тут уж как договоришься. Кстати, о ленте.

– Дэноэла, а ты мою ленту не видела? И туфельки. И сапог! – я с надеждой заглянула в прозрачные светлые глаза с вертикальным кальмарьим зрачком.

Русалка отрицательно качнула головой, и с любопытством уточнила у меня:

– Поискать?

Я огорченно вздохнула, отказываясь. В том, что она способна найти уплывшие вещи, я ничуть не сомневалась, зрение у водяницы куда лучше, чем у человека. Благодаря удивительному строению глаз, они и под водой, и даже в темноте способны разглядеть оброненную иголку, но... Чем я расплачиваться-то буду?

Пришлось мысленно проститься с потерей – а какая лента была, какая лента! Чудесного темно-бордового цвета, с мелким жемчугом и вышивкой на концах, которую делала лично Нольвенн, еще на третьем году обучения. Они тогда как раз графические заклипания проходили... Туфли тоже было жалко, с практической точки зрения, они даже и важнее ленты – в чем я ходить буду? В школе босаячком не побегаешь! Но...

Ленту я любила, берегла – очень уж она к этому платью цветом подходила, да и вообще. Вот жалко, и все!

Кайдэн, смерив меня насмешливым взглядом, ехидно хмыкнул и обратился к водянице:

– Найди, пожалуйста, – и протянул ей ножик с костяной ручкой.

Водяница заинтересованно стрелнула в него взглядом, и улыбнувшись – мол, не нужен мне твой нож, так отыщу, что с вас взять, сухопутных, выпрыгнула из воды почти вся, и извернувшись играющей рыбиной, ушла под воду снова, плеснув напоследок по речной глади широким хвостом.

* * *

В мокрых сапогах сидеть было противно. Сушить их магией я не рискнул, кожа – не ткань, потрескается еще, поэтому они теперь красовались рядом с товарами для фо-а и туфлями Шелы. Целительница снова восседала на корме, поджав под себя босые ноги, недовольно сопела, бросая на меня укоризненные взгляды, и пыталась пальцами разобрать спутанные пряди волос. Ярко-рыжая копна светила на солнце огненным ореолом и без сопротивления даваться в руки хозяйке не желала. Да еще и расшалившийся ветер, то и дело выдергивал пушистые локоны из пальцев, заставляя лекарку шипеть ужом и еще больше ненавидеть меня и мою благотворительную сушку.

Мне же едва удавалось сдерживать рвущуюся наружу ухмылку, без которой наблюдать за этой девицей было попросту невозможно. А воспоминание о мокрой ткани, предательски облепившей все изгибы женского тела, но при этом оставляющей простор для фантазии, я старательно гнал прочь. Бесстыдно выставленные напоказ прелести фейри, пусть и приятные глазу, куда меньше будоражили воображение.

– И почему мы не могли воспользоваться помощью русалки? – Гребля меня вовсе не раздражала и порывивал я на понукающую меня целительницу что сейчас, что тогда больше из принципа, но некоторое любопытство все же терзало.

– Физические нагрузки полезны для здоровья! – наставительно ответствовала Шела.

– Да меня наставник Одран и так каждый день с утра до ночи гоняет.

– Значит, мало гоняет! – фыркнула лекарка, вплетая в косу возвращенную из речных глубин ленту. – Ты в курсе, что до предела вымотанные люди спят без сновидений? А если тебе снятся кошмары...

Вот упертая! Дались ей мои кошмары! Да они вообще с усталостью или ее отсутствием никак не связаны.

– Мне снится огонь, – буркнул я, отворачиваясь. – Довольна?

Не то, чтобы я наивно полагал, что в ответ на это целительница кивнет и успокоится, но все равно досадливо поморщился, когда она азартно вцепилась в подачку. Ну кто меня за язык тянул?

– Просто огонь? Или пожар? Или ритуальный костер? Или сожжение?

– Все.

– И ты... горишь?

– И я.

– И?..

– Во время последнего штурма, в котором я участвовал, мы брали замок некромантов-демонологов. Замок был сожжен дотла со всеми его обитателями. Живыми и мертвыми. Все. Не о чем здесь больше разговаривать.

Я твердо посмотрел ей в глаза, давая понять, что тему продолжать не намерен. Шела смотрела на меня, прикусив губу, но вины в ее взгляде не было – только глубокая задумчивость. А я порадовался, что вовремя прикусил язык и не уточнил – как горел замок я не видел. Я даже не видел, как закончился штурм... потому что умер чуть раньше.

Краем глаза я заметил какое-то движение вдоль бортика, покосился туда и вздрогнул. Мутноватая речная вода, как по волшебству, вдруг сменилась кристально прозрачной – можно было разглядеть каждую ракушку, каждую песчинку на дне... каждый выбеленный временем и песком человеческий череп, каждый скелет, застывший в отчаянной, тянущей руки к водной поверхности позе.

Шела проследила за моим взглядом и совершенно спокойно отметила:

– Добрались, наконец.

Все хорошее настроение скатилось с меня прохладной речной водой. Я против воли напрягся, чувствуя, как под кожей начинает разгораться все еще чужая и непривычная магия. Зловещая атмосфера места пробирала до костей – казалось даже, что и лес по берегам стал темнее, и тишина – мертвее, и солнце – тусклее.

Два белоснежных, невероятной красоты жеребца на берегу, мирно щиплющие травку, вскинули головы при нашем появлении и проводили лодку немигающим взглядом – белая радужка, узкая вертикальная полоска зрачка.

Мне категорически не нравилось, куда я приплыл. Более того – мне категорически не нравилось, куда я привез Шелу.

– Кайден?

Прохладные пальцы сжали запястье. Я вздрогнул и перевел взгляд на наклонившуюся ко мне целительницу.

– Все хорошо, – проникновенно произнесла она, с ласковыми убедительными нотками в голосе, будто разговаривала с маленьким ребенком. – Договор все еще в силе, здесь не опасно.

– Они, поди, тоже так считали. – Я кивнул за борт, где черепа и кости теперь выстраивались в причудливые скульптуры, имеющие мало общего с очертаниями человеческого тела.

– Для учеников школы – не опасно, – разумно поправила лекарка. – Никто в Брейдене не способен переступить через условия Договора. Если он еще в силе, значит, он в силе. Фо-а – не самые приятные создания, я согласна, но школяров они не трогают.

Очередная стремительная тень промчалась под водой. На этот раз я успел разглядеть длинный шипастый хвост и серебристую гриву. В груди и под кожей заворочалось дремлющее

пламя, пощипывая язычками ладони и кончики пальцев. Община фо-а насквозь провоняла угрозой всем чужакам, и эта угроза выводила меня из себя.

На очередном гребке весла вдруг увязли в воде, будто та враз загустела, и лодка, дернувшись, застыла на месте. Я обернулся и увидел, как прозрачная гладь за спиной вскипела белой пеной и из нее, медленно и величаво показалась сначала голова с узким безносым лицом и глазами, как у лошадей на берегу, затем такие же узкие и костлявые плечи, на которых волнами лежала роскошная серебристая грива, тощий торс, плавно переходящий в чешуйчатый шипастый хвост. Я где-то слышал, что фо-а могут превращаться в прекраснейших девушек и юношей, чтобы заманивать жертв в свои водоемы, но для нас он не расстарался. То ли потому, что заманивать не собирался, то ли потому, что уже...

– Поворачивайте, – бесстрастно объявил фейри, уставившись на нас немигающим взглядом.

– Но сегодня день обмена! – Шела поднялась на ноги, не обращая внимания на неустойчивую опору. – Мы привезли...

– Обмена не будет. Поворачивайте.

– Это какое-то недоразумение, – лекарка нахмурилась. Вот дурная девица, сдались ей эти товары. – Договор...

– Договор не позволяет мне прямо сейчас пустить ко дну вашу лодку вместе с вами и украсить эти берега двумя новыми черепами, – скрипучий нечеловеческий голос фо-а ввинчивался в мозг. Я стиснул зубы и прикрыл глаза, пытаюсь выровнять дыхание. Уймись, она знает, что делает. – Но он не обязывает меня вести дела с его нарушителями. Поворачивайте, а не то...

Если бы он просто в третий раз повторил приказ, я бы плюнул на все, шикнул на лекарку, развернул лодку и убрался бы подобра-поздорову из этого места, подавляющего в душе все человеческое. Но фейри вздумал угрожать.

Я вскочил на ноги, рывком разворачиваясь, но лодка даже не шелохнулась. Фо-а оборвал фразу на полуслове и перевел взгляд с Шелы на меня. На миг в нем мелькнула доля заинтересованности, но быстро исчезла под ледяной коркой равнодушия.

– Ты же не собираешься нарушить Договор повторно, – уголок тонких бледных губ дернулся в усмешке, – человек.

От нестерпимого желания испарить эту надменную гадину я почти взорвался. Взгляд заволокло кровавой дымкой, в висках пульсировало: «Угроза. Убить». Я стиснул кулаки, чувствуя, как их охватывает жаркое пламя, и вдруг мне в спину прилетел удар.

Вернее, в первое мгновение мне показалось, что меня ударили по голове. От обрушившегося на меня спокойствия даже в глазах потемнело, ноги подкосились, я поканулся и был подхвачен твердой целительской рукой.

– Мы уедем. – Голос Шелы звучал как в тумане. – Отпусти лодку.

Я тряхнул головой, пытаюсь прийти в себя, – получилось не ахти. Насильно внедренное чувство, подавившее бушевавшую до этого бурю, связывало по рукам и ногам, не позволяя ни пошевелиться, ни сосредоточиться. Если вчера лекарка легким ювелирным касанием подправила мой настрой, то сейчас у нее в руках оказался тяжелый кузнечный молот, никак не меньше.

– Извини, – плывущее сознание выхватило до предела серьезный карий взгляд, кажется, она удерживала меня за шею, чтобы заглянуть в глаза. – Я не успела придумать ничего другого. Ты же на него чуть не набросился, сумасшедший! На фо-а! В его общине! Да тебя бы в одно мгновение растащили по косточкам, которые они так любят...

Равнодушие и оцепенение отступали медленно и неохотно. Лодка, влекомая течением, возвращалась к школе сама, владения фо-а уже давно скрылись из виду, а Шела, все еще бледная от испуга, продолжала на меня ворчать:

– Он же нарочно нас провоцировал. Есть те, кто ждет не дожидается возможности смести школу с лица земли вместе со всеми ее обитателями. А мы бы с тобой и этого уже не увидели.

Тонкие пальцы гладили меня по волосам, по щекам, по плечам, медленно впитывая излишки практически убийственного спокойствия, и оно постепенно развеивалось, возвращая мне меня.

– Что это было? – озвучил я, едва удалось разомкнуть губы. Целители, чтоб их! Что лечить, что калечить горазды.

– Вообще успокоительное. – Шела, решив, что я достаточно оклемался, отдернула руки и перебралась обратно на свой конец лодки. – Ну, перестаралась немножко! Но его вообще сложно в нужных пропорциях рассчитать, там столько нюансов... скажи спасибо, что я первый порыв не воплотила! Очень хотелось, знаешь ли!

– И какой был первый?

– Веслом по голове, – чистосердечно призналась добрая и милая целительница душ. – Но не успевала дотянуться и пришлось вот...

– Уж лучше бы веслом, – в свою очередь пробубнил я, снова мотая головой, словно надеялся таким образом вытрясти из нее остатки чужого вмешательства.

Удивительно, но злости на лекарку не было. Совсем. Впрочем, и на себя тоже. Нарывался в этот раз фейри, а не я и, если что, он получил бы по заслугам. Я повел плечами – тело, вроде, снова слушается – и взялся за весла. Надо вернуться в школу скорее. Хватит с меня на сегодня беззаботных прогулок.

– Кайден.

Я метнул в лекарку недовольный взгляд. Даже если я на нее и не злюсь, это вовсе не значит, что она должна об этом знать. Она смотрела на меня пристально-пристально и на лице читалась глубокая задумчивость, не сулившая мне ничего хорошего.

– Как давно ты маг?

– Какая разница?

– Не с детства. – Не получив ответа, Шела не растерялась, а продолжила беседу сама с собой. – Иначе у тебя вряд ли были бы проблемы с контролем дара, да и вряд ли ты бы вообще взялся за оружие. Наемники сражаются в первую очередь за деньги, а не за идею, а магам платят больше. Значит, дар проявился не так давно, что вообще-то происходит крайне редко. Бывает, что магия крепко спит в теле носителя, и он о ней даже не подозревает – так у обычных людей рождаются дети со способностями – но она может проснуться в моменты глубокого потрясения или ужаса. Ты сказал, что тот штурм был последним, в котором ты участвовал, это случилось тогда, да?

Отпираться не было особого смысла, поэтому я только кивнул.

– Расскажешь?

На мгновение мне захотелось. Отчаянно захотелось. Очень уж убедительным был ласковый голос, очень проникновенным взгляд... но потом я представил неконтролируемый ужас в карих глазах, и поспешное бегство, и... нет, если директор не посчитал нужным поставить ее в известность – значит, так и надо.

– Ну и ладно, – Шела совсем по-детски надула губы и скрестила руки на груди. – Но я все равно когда-нибудь все узнаю!

Тут я и не подумал бы спорить.

Когда-нибудь точно узнаешь. Правда, в этот момент тебе лучше находиться от меня подальше.

Глава 4

Сейчас я уже жалел, что устроил это треклятое купание.

Хотя, кажется, все началось раньше. Гораздо раньше.

Я постарался вспомнить, когда начал думать о приставленной ко мне целительнице как о женщине. Девушке.

Нет, что она вполне красивая, я отметил сразу, еще в первый день. Но тогда красота её меня не тревожила. А теперь – не давала покоя.

Да, я видывал и красивее – и не только видывал! – но Шела... Ее не хотелось просто позвать на сеновал, чтобы весело провести вечерок. В ее присутствии хотелось привести себя в порядок, чтобы не тащить грязь сапогами в ее чистый дом. Моя мать, и тетка Мюррей, и еще некоторые женщины из далекого прошлого, в котором у меня был дом и будущее, были такими. Матери. Хранительницы очага. Хозяйки.

Согревающие, дарующие жизнь, убавляющие скорби. Шела была из таких. Она призывала меня к порядку одним своим присутствием, видом. Она дарила мне покой. И лишала его.

Перед глазами вставали картинки, вроде бы невинные в своей простоте, но... Тонкое запястье с просвечивающими голубоватыми жилками. Ямочка меж ключиц. Рыжая прядка, выбившаяся из косы, и щекочущая нежную щеку...

Я тряхнул головой, пытаюсь избавиться от этих мыслей.

Длинные ресницы, взлетевшие вверх и тут же прикрывшие, спрятавшие быстрый взгляд в мою сторону. Тень, упавшая на переносицу. Протянуть руку, да и стереть ее с белой кожи – что может быть проще? Что может быть сложнее.

Нельзя, не твоя, недопустимо.

Мысли о целительнице поглотили меня всерьез. Настолько, что я пропустил засаду.

Смутно знакомый боевой маг заступил мне дорогу в пустынном отнорке коридора. И тут же еще двое его приятелей подошли со спины, отрезая мне путь к отступлению.

Дурачье. Не нюхавшее крови дурачье.

– Ну, что, урод, вот мы и встретились. Здесь директора нет – защищать тебя некому! – заводила сказал, как сплюнул, и улыбка наглая, вызывающая, расплзлась маслянистым пятном по его лицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.